

*Детективы
о женщине-СПИХИИ*

Ирина **ГРАДОВА**

**Экзотический
СИМПТОМ**

Детективы о женщине-стихии

Ирина Градова

Экзотический симптом

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Градова И.

Экзотический симптом / И. Градова — «Эксмо»,
2020 — (Детективы о женщине-стихии)

ISBN 978-5-04-111731-3

У доктора Князева, более известного по прозвищу Мономах, ЧП. От неизвестной болезни умирает пациентка, а через несколько дней с похожими симптомами попадает в клинику ее мать. Диагноз не может поставить никто из инфекционистов, анализы противоречивые, но молодая красавица умерла, причем следы болезни ведут в отделение пластической хирургии, где она недавно делала операцию по увеличению груди. Хоть эти пациентки не относятся к его отделению, Мономах все же ведет собственное расследование и узнает, что заболел уже третий человек, имеющий отношение к клинике...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-111731-3

© Градова И., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

48

Ирина Градова

Экзотический симптом

Пролог

Потасовка продолжалась вот уже добрых четверть часа. Здоровенный полицейский, стоя в проеме двери, блокировал выход из квартиры, а невысокая, но крепко сбитая женщина пыталась поймать за руку мальчика, который только что вырвался от нее и с громким ревом прятался за подол старшей сестры. Свободной рукой женщина крепко держала за локоть другого, как две капли воды похожего на первого и одетого в такую же пеструю пижамку с собачками, и точно так же голосившего во всю силу своих маленьких легких.

Полицейский стоял с отсутствующим видом. Было совершенно ясно, что он не желает принимать участия в сваре, но Оля не сомневалась в его готовности пресечь любую попытку помешать тетке из опеки делать свое дело.

– Пусти, зараза! – кричал двенадцатилетний Витя, пока Оля, повиснув на руке женщины и одновременно придерживая рукой четырехлетнего братишку, прячущегося за ней, пыталась освободить второго близнеца. – Не тронь, а не то...

– А не то что? – Голос тетки звучал издевательски, как будто она получала удовольствие от того, чем занималась.

Будь Витька покрупнее, он сумел бы справиться с этой бабой, однако он пошел не в громилу-отца и, в то время как большинство одноклассников за лето вымахали на пять-шесть сантиметров, оставался маленьким и шуплым.

– Вы не имеете права! – в отчаянии закричала Оля.

– Отпусти, дура! – вторил брат.

Полицейский наконец решил вмешаться и схватил пацана за шкурку одной рукой, а другой сгреб в охапку хрупкую фигурку девочки-подростка.

Мальчишки-близнецы оглушительно взревели, видя, как старших сестру и брата сворачивают в узел.

– Заткнись, поганец! – прошипела тетка. – Я тебе не подружка, чтобы хамить мне!

– А я у себя дома! – резонно возразил раскрасневшийся паренек. – Это вы ко мне пришли, а не я к вам!

– Ну, так и будешь глаза пучить или все-таки поможешь? – раздраженно обратилась к полицейскому дама из опеки. – У нас, между прочим, не так много времени, а дел еще воз и маленькая тележка!

Служитель закона отпустил Олю и Витю, схватил одного близнеца под мышку, а второго, как котенка, поднял в воздух и хорошенько встряхнул. От встряски и неожиданности малыш замолчал.

Оля, недолго думая, обхватила толстую ляжку полицейского руками и повисла на ней, как обезьяна на дереве. Крики и вой, раздающиеся из квартиры, могли поднять даже мертвого. В двух соседних квартирах проживали пенсионеры, почти безвылазно сидящие дома, а напротив – молодая мамаша, находящаяся в декретном отпуске. Она частенько прибежала и возмущалась, что в соседской квартире слишком шумно – это случалось, когда пьяный отец приходил и колошматил в дверь что есть мочи.

«Как минимум три человека могли слышать, что происходит, – думала Оля. – Кто-нибудь обязательно придет на помощь...»

Ни одна дверь не открылась.

* * *

– Придется сменить стиль одежды и отказаться от яркой помады, – говорила Марина, окидывая критическим взглядом алое платье клиентки с большим вырезом, из которого чуть ли не вываливались идеально вылепленные пластическим хирургом груди четвертого размера. – По крайней мере, на время суда.

Кроваво-красные губы раздвинулись в хищной усмешке, обнажив белые, мелкие и острые, как у хорька, зубы.

– Я что, должна выглядеть как монашка? – поинтересовалась клиентка.

– Нет, – покачала головой Марина, чувствуя, как внутри поднимается волна раздражения: она терпеть не могла тупых девиц, которым приходится объяснять очевидные вещи. – Ты должна выглядеть как учительница младших классов – это вызовет сочувствие у судьи. А также у репортеров, которые, можешь не сомневаться, будут присутствовать на процессе!

– Мне что, одеться во все белое? Надо быть похожей на ангела?

Марина подумала, что даже божественное прикосновение не сделает эту бабу хоть сколько-нибудь похожей на небесное создание.

– Белое может показаться чересчур вызывающим, – произнесла она вслух. – Лучше что-нибудь бежевое или коричневое. Но не скучное – они ни в коем случае не должны решить, что ты намеренно приоделась. Косметика тоже пусть будет неяркой, в пастельных тонах...

– Господи, неужели это так важно?! – возмутилась клиентка. – Какая разница, что на мне надето – разве пусик не «занес» всем, кому надо, чтобы меня оправдали?

Да уж, «пусик» – отдельный разговор: если бы не он, Марина ни за что не взялась бы защищать эту пустоголовую куклу. Но такова уж адвокатская планида – нельзя быть слишком разборчивой, а то пришлось бы всю жизнь трубить в общественных защитниках или заниматься корпоративным правом.

Последнее, кстати, едва ли лучше защиты отъявленных уголовников, ведь приходится иметь дело с бандитами из высоких кругов, облеченных властью и деньгами, против обычных граждан, у которых априори нет средств, чтобы им противодействовать!

«Пусика» звали Михаилом Тарановым. Знаменитого эстрадного продюсера и композитора-песенника с Мариной связывали приятельские отношения, зародившиеся лет двадцать назад, когда он, уже тогда знаменитость, обратился за помощью к ней, никому еще не известному молодому адвокату.

С тех пор Таранов несколько раз пользовался услугами Марины, но никогда раньше помощь ему не казалась ей столь непосильным бременем.

Дело было стопроцентно проигрышным, а она проигрывать не любила. Любовница Михаила сбила на машине старика-инвалида. Он, слава богу, выжил, однако в данный момент находился в больнице и, что вдвойне неприятно, отказывался принимать материальную помощь, предложенную стороной ответчика.

Непонятно откуда взявшиеся адвокаты истца (как подозревала Марина, нанятые конкурентами и недоброжелателями Таранова) пытались представить ситуацию как уголовное дело: якобы Мария Мамыкина, певичка из последнего проекта Михаила, намеренно переехала инвалида.

Марина склонна была согласиться с этим мнением: несмотря на очевидную тупость, девица отличалась вздорным нравом и полагала, что ей позволено больше, чем остальным членам общества. Марина строила защиту на том, что случившееся было досадной случайностью, а задний ход Мария дала не потому, что желала «уделать» старичка, посмеявшегося с ней связаться, а лишь по женской глупости и под влиянием стресса. Типа, она не понимала, что делает, хотела нажать на тормоз, а дала задний ход на полном газу.

Марина понимала, что доказательная база хромает, ведь у противной стороны имеются свидетели происшествия, жаждущие дать показания: Мамыкину ненавидит весь подъезд, в котором она проживает, и подавляющее большинство жителей других подъездов, хотя и видели ее от силы пару раз.

Создавалось впечатление, что претензий к певице не имеют только те граждане, которые вовсе не подозревают о ее существовании – к счастью, таких подавляющее большинство, но, к сожалению, они никак не способны помочь выиграть дело! Марине требовалось добыть хоть какие-нибудь свидетельства того, что Мария является добропорядочной гражданкой, и для этого понадобятся все ее умения и незаурядная изобретательность.

Выпроводив наконец неприятную клиентку, Марина прикрыла глаза и несколько раз глубоко вдохнула, пытаясь восстановить душевное равновесие.

В такие минуты ей начинало казаться, что пора уходить из профессии: в конце концов на пенсию она себе заработала, а мысль о необходимости встречаться с кадрами, подобными Мамыкиной, казалась невыносимой.

Сняв трубку, Марина набрала номер ближайшего японского ресторана:

– Два набора «Терияки», четыре порции «Кавасаки» в темпуре и... и еще, пожалуй, две «Филадельфии», – на одном дыхании произнесла она.

– В подарок желаете колу или...

– Холодный чай, – не дослушав, сделала выбор Марина: являясь постоянной клиенткой заведения, она наизусть знала меню и бонусы, предлагаемые в случае большого заказа.

Заручившись обещанием, что заказ доставят в течение получаса, Марина откинулась на спинку вертящегося кресла и, подняв руки над головой, с наслаждением потянулась.

Сиденье жалобно скрипнуло при этой ее манипуляции: Марина весила добрых полтора центнера, и, хотя абсолютно не переживала на этот счет, дорогое итальянское кресло, обтянутое натуральной телячьей кожей кофейного цвета, обладай оно даром речи, определенно предпочло бы, чтобы она больше волновалась.

Курьер прибыл минут через десять: ресторан располагался за углом.

Жизнерадостный пацанчик лет девятнадцати (очевидно, студент), сияя улыбкой, вручил Марине огромный пакет.

– У вас, наверное, банкет? – поинтересовался он, пытаясь заглянуть за широкую спину адвокатессы в надежде увидеть остальных участников будущего пиршества. – Что празднуете?

– Поминки, – буркнула Марина, протягивая мальчишке деньги и со злорадным удовлетворением наблюдая, как улыбка сползает с его лица.

– Примите мои... – начал он, но Марина захлопнула дверь прямо перед его носом. Ну, почему всем и каждому так необходимо замечать, что ей требуется больше еды, чем простым смертным? Она же платит, черт подери, так какое им дело?!

Однако от пакета исходил умопомрачительный запах, и плохое настроение Марины понемногу улетучивалось, уступая место предвкушению гурманского наслаждения. Она уже открывала верхний контейнер, как вдруг раздался тихий глухой стук.

– Ну, кто там еще? – раздраженно спросила Марина, оглядываясь.

Дверь открылась, и она увидела высокую, очень худую женщину в платке.

Господи, ну, как можно добровольно так себя уродовать?!

На вид визитерше было чуть за сорок, однако в этом наряде она выглядела гораздо старше и совершенно не привлекательно.

– Извините, вы... вы Марина Павловна Бондаренко? Адвокат? У меня к вам дело, очень серьезное...

– А вы, простите, кто будете? – изогнула изящно выщипанную бровь Марина.

– Ольга я... Ольга Сергевна. Иночкина... – Женщина говорила сбивчиво, то и дело запинаясь.

Марина знала, что такое бывает обычно в двух случаях – когда люди эмоционально неуравновешенны или когда мысли человека намного опережают его речь и он, пытаясь их обуздать, вынужден постоянно останавливаться, чтобы «догнать».

– А как вы, собственно, сюда прошли? – полюбопытствовала она, оглядывая более чем скромный наряд посетительницы: она приняла бы ее за уборщицу, если бы та сама не сказала, что пришла по делу.

– Охранник... отошел по нужде, – с запинкой пояснила женщина. – Он не виноват, правда, – я просто дождалась, пока он, ну... уйдет.

Марина с тоской покосилась на пакет с японскими блюдами: какой черт дернул эту бабу припереться аккурат в тот момент, когда она решила заморить червячка?! С другой стороны, уж больно она несчастная на вид – может, и впрямь что серьезное стряслось?

Марина подавила тяжелый вздох и спросила:

– Вы обедали?

– Ч-что? – переспросила удивленная клиентка.

– Ну, обедали вы сегодня или нет?

– Я не... нет еще. А что?

– Как вы относитесь к японской кухне?

* * *

Мономах закрыл файл и выключил компьютер: похоже, на сегодня все.

Взглянув на часы, он увидел, что они показывают половину восьмого – это никуда не годится!

Сархат, конечно, уже выгулял Жука, но пес любит, чтобы хозяин приходил домой в строго определенное время, да и начальство не стоит баловать, показывая, что ему нечем заняться, кроме работы...

Ах да, начальства-то нету! С тех пор как Муратова отстранили от должности (читай: сняли), исполняющего его обязанности пока так и не назначили. Временно сложные проблемы решали начмеды, и такая ситуация Мономаха вполне устраивала. Правда, долго так продолжаться не могло: рано или поздно, в больнице появится «новая метла», и нет никаких гарантий, что она не окажется еще почище бывшего главного!

Порой Мономаху казалось, что начальники – особая порода людей, которых выращивают в своего рода инкубаторах, откуда они выходят с набором специфических качеств – хамоватостью, непоколебимой самоуверенностью и пренебрежением к чувствам и нуждам окружающих.

Мономах заведовал отделением крупной многопрофильной больницы, но себя он к этой категории, разумеется, не относил. А вот Муратов в полной мере соответствовал его представлениям о «начальственной» персоне!

Надев пальто, он в последний раз окинул взглядом кабинет, проверяя, не забыл ли чего, и вышел в коридор. Он как раз возился с замком, когда на него налетела Алина, хорошенькая медсестричка, с некоторых пор являвшаяся еще и богатой наследницей¹.

Честно говоря, Мономах ожидал, что она уволится и станет жить на дивиденды, однако ничего подобного не произошло: Алина как работала в его отделении, так и продолжала трудиться, ничуть не кичась тем, что могла бы этого не делать и жить припеваючи. Только вот некоторые медсестры, и даже врачи, недолюбливали девушку, завидуя ее неожиданной удаче и считая, что она ничем этого не заслужила. А вот Мономах полагал, что хороший человек заслуживает счастья просто за то, что у него легкий характер и доброе сердце!

¹ Читайте об этом в романе Ирины Градовой «Предложение, от которого не отказываются» (Издательство «ЭКМО»).

- Алина, что случилось? – поинтересовался он, глядя на взволнованное лицо медсестры. – У нас пожар?
- Ой, Владимир Всеволодович, вы Севана Багратовича не видели?
- А он что, здесь еще?
- У него дежурство...
- Ах да, верно! Нет, не видел. А что произошло-то?
- Там пациентка его буянит, порывается уйти!
- Так пусть уходит – мы никого не держим!
- Но ей только утром сделали операцию, она не может ходить, понимаете?!
- Погодите, это, как ее... Карпенко, что ли?
- Точно, Карпенко!
- И куда же она намылилась?
- Говорит, домой ей надо, у нее дети...
- Ладно, пошли! В какой она палате?
- В четырнадцатой.

Размашистым шагом он двинулся по коридору. Алина семенила следом, едва за ним поспевая.

Когда они подошли к палате, она забежала вперед и распахнула дверь перед Мономахом. Каждая палата была разделена надвое, и из левой доносились возбужденные голоса:

- Ну, куда ты собралась, дурочка! – увещевал кого-то густой, низкий женский голос. – Ты же на ногах не держишься!
- Да пусть идет! – возразил надтреснутый, старческий. – Меньше народу, больше кислорода!

Во втором голосе Мономах безошибочно узнал противную старушеницу Игнаткину, которой он самолично делал плановую операцию по замене сустава. Бабка скандалила по любому поводу, и медсестры старались пореже заходить в палату, из-за чего страдали и другие пациентки, которым не посчастливилось лежать в ее неприятной компании.

– Так, что тут за сыр-бор? – спросил он, толкнув дверь, отделяющую предбанник с умывальником и дверьми в туалет и душевую.

Его изумленному взору предстала следующая картина. Пациентка лет сорока, сидя поверх шерстяного одеяла, закидывала в полиэтиленовый пакет вещи из тумбочки. Одна ее нога находилась в ортопедическом чулке, и ей было весьма неудобно заниматься своим делом, так как ее правая рука висела на перевязи, загипсованная.

– Владимир Всеволодович, она уходит собралась! – пожаловалась пожилая пациентка, лежащая у окна – похоже, это она пыталась урезонить сумасшедшую мамашу.

– Вы что, ополоумели, Карпенко? – не совсем вежливо обратился он к женщине, затравленно глядящей на него снизу вверх. – У вас сложные переломы плеча и голеностопа, как вы намереваетесь до дома добираться?

– Можно вызвать такси, – проскрежетала Игнаткина, буравя Мономаха черными глазами-бусинками из-под морщинистых век.

Интересно, есть ли на свете хоть один человек, питающий к этой гарпии добрые чувства?

– Точно, – кивнул он, – можно даже связаться с МЧС и вызвать вертолет для вашего удобства, Карпенко, но мне кажется, что вам все же стоит подумать о том, чтобы остаться в больнице и вылечиться.

- Я не могу! – пробормотала больная. – У меня дети...
- За ними некому присмотреть?
- Вы не понимаете...
- Если есть необходимость, можно позвонить в службу опеки и попросить...
- Нет! – пронзительно взвизгнула Карпенко. – Не надо куда звонить, пожалуйста!

– Да это же временная мера...

– Нет, не надо, не надо!

Мономах и Алина встревоженно переглянулись: пациентка определенно вела себя неадекватно. Она попыталась встать и растянулась бы на полу, не подхвати ее Мономах и не верни на место.

Держа ее, он ощутил, что тело женщины бьет крупная дрожь. Мономах сделал Алине едва заметный знак— к счастью, девушка обладала способностью понимать врачей с полувзгляда.

– Вы не понимаете, я не могу остаться! – бормотала Карпенко, пытаясь высвободиться из мертвой хватки Мономаха. – Они забрали детей, и я даже не знаю... ну, почему вы меня не слушаете?!

Вернувшись в палату Алина, пользуясь тем, что он крепко удерживает женщину на койке, стараясь не повредить ее оперированную руку, привычным движением воткнула в здоровое плечо пациентки шприц с реланиумом.

– В психушке таким место! – авторитетно заявила «гарпия», откидываясь на подушку с разочарованным выражением на физиономии: «концерт» окончен, и дальнейших развлечений не предвидится.

Некоторое время Карпенко брыкалась, но потом лекарство возымело действие, и она притихла. Реланиум не вызывает снотворного эффекта, поэтому она оставалась в полном сознании.

– Пожалуйста, послушайте меня! – простонала она. – Мне нужно... срочно нужно домой!

– Что случилось? – спросил Мономах, усаживаясь на краешек койки. – Ваши дети что, одни, без присмотра?

– За ними... Оля смотрит.

– Кто такая Оля?

– Дочка моя... старшая.

– Ну и в чем же тогда проблема?

– Они забрали моих младших! – всхлипнула женщина. – Мне нужно домой...

– Кто забрал? – перебил Мономах. – Кто это «они»?

– Органы опеки! Они пришли и забрали их, я забегала по инстанциям, а тут эта авария так некстати... Оля всего лишь ребенок, она не может сама со всем разобраться... Да не станут они с ней разговаривать, понимаете?! А еще Витя...

– Вы сейчас тоже вряд ли сумеете что-то исправить, – возразил Мономах. – Во-первых, просто не дойдете, а во-вторых, сейчас уже девятый час, и все государственные структуры закрыты... У вас есть какая-нибудь соседка, которой можно доверять?

Карпенко задумалась на несколько секунд, потом нерешительно кивнула.

– Позвоните ей, попросите приглядеть за детьми. Завтра с утра мы попробуем вам помочь. Договорились?

Он сурово посмотрел в полные слез глаза пациентки.

Та, помешкав, снова кивнула.

– Вот и ладненько!

– Ну вот, а я сразу говорила – неблагополучная семья! – злорадно проворчала «гарпия».

– С чего вы взяли? – возмутилась больная, пытавшаяся с самого начала вразумить Карпенко.

– Да с того, что у благополучных детей-то не забирают! Голодрань всякая народит детишек, а потом – давай, государство родимое, заботься о них, расти-корми!

– Да вы-то какое к государству отношение имеете?! – кинулась на защиту многодетных семей сердобольная пациентка.

– А самое прямое: я, между прочим, на это самое государство пятьдесят лет с гаком вкалывала и налоги платила, а значит, кормила всех этих «крольчих» с их «крольчатами»!

Дальше слушать перепалку Мономах не пожелал. Он рывком поднялся на ноги и, взяв Алину за локоть, вывел в коридор.

– Проверь ее время от времени, – сказал он медсестре. – Если попытается выйти...

– Если она попытается выйти, поднимется такой грохот, что не услышать будет невозможно! – усмехнулась девушка.

– Ну, ты все поняла... Ладно, я пошел, а ты, давай, командуй тут!

По пути к лестнице Мономах набрал номер Ларисы Ковальчук.

Социальный работник попала в больницу в результате очередного эксперимента Комитета по здравоохранению: там вдруг решили, что такой специалист непременно должен присутствовать в каждом медучреждении.

Мономах смутно представлял себе круг обязанностей Ковальчук – вроде бы ей следовало заниматься выбиванием квот для пациентов, находящихся в стационаре, а также заниматься проблемами социально незащищенных слоев населения, однако этим его представления и ограничивались.

Мономаху ни разу не приходило в голову обратиться к Ковальчук, и он понятия не имел, обращались ли к ней его коллеги – как-то не было необходимости интересоваться.

Ну вот, кажется, пришло время!

Длинная, долговязая тень легла на пол прямо перед Мономахом.

Подняв глаза, он увидел того, кого и ожидал – своего ближайшего друга и коллегу Ивана Гурнова, зава патологоанатомическим отделением.

– Так и знал, что ты в больничке торчишь! – удовлетворенно кивнул большой и гривастой, как у льва, головой Гурнов.

– Я-то ладно, а вот ты почему еще здесь? Вопрос и впрямь имел под собой основания: как и Алина, патолог мог вовсе не работать, живя на наследство, оставленное ему одним из пяти бывших тестей.

Иван помогал ему во время тяжелой болезни, доставая дефицитные обезболивающие в неограниченных количествах, и тем заслужил то, что своей непутевой дочери миллионер оставил сущие крохи, обогатив зятя. Тем не менее Гурнов остался на работе и, насколько знал Мономах, никуда уходить не собирается.

– Да я, понимаешь, сплетни собираю, – ответил на вопрос патолог. – Похоже на то, что с завтрашнего дня лафа заканчивается: к нам едет и.о.!

– Главного?

– Ага. С завтрашнего дня, если верить слухам, приступает.

– А кто, неизвестно?

– Тайна, покрытая мраком! И я подумал, что по такому поводу грех не выпить, как полагаешь?

– По-моему, праздновать нечего, – пробормотал Мономах, чувствуя в желудке неприятную пустоту. – Как бы завтра не возникло повода упиться вусмерть!

* * *

Алла жадным взглядом проводила очередной гигантский кусок шоколадного торта, отправившийся в рот Марины.

Было в этом что-то сексуальное до пошлости – Алла просто не могла отвести глаз от выкрашенных в ярко-розовый цвет губ подруги-адвокатессы и ее языка, с вождением слизывающего с них ванильный крем.

Кажется, Марина это заметила, потому что хохотнула и сказала:

– Послушай, закажи себе что-нибудь калорийное наконец, а то на тебя смотреть жалко!

Алла невольно посмотрела на свою тарелку с порцией фруктового салата без сахара и без заправки – стараниями диетолога с несоответствующей жесткому характеру фамилией Добрая, и он казался ей верхом пищевой распущенности.

– Нельзя, – вздохнула Алла, подцепляя вилкой кусочек ананаса. – Недавно только удалось преодолеть очередной рубеж в...

– Ой, нет, даже слушать не хочу! – замахала полными, ухоженными руками Марина. Каждый ее палец украшали золотые кольца. – Одна мысль о твоей диете нагоняет на меня смертную тоску!

Несмотря на внушительный вес и гренадерский рост, Марина Бондаренко несколько не стеснялась своей нестандартной внешности. Она знает секретные места, где приобретает потрясающей красоты наряды «королевских» размеров, ее ногти и волосы всегда в полном порядке, и никому в голову не приходит, что с ее весом что-то не так! У Марины толпы поклонников, но, будучи на десять лет старше Аллы, она не стремится к замужеству, предпочитая «свободные» отношения.

– По-моему, – продолжала Марина, – ты и без этой дурацкой диеты была хороша – во всяком случае, гораздо менее дерганая! Но, если тебе так нравится...

– В том-то и дело, что нравится! – улыбнулась Алла, прожевав ананас и вылавливая из тарелки зеленое яблоко. – Ты не представляешь, какая легкость появилась во всем теле! Раньше я каждый раз умирала, пытаясь успеть на автобус, такая была одышка!

– Почему бы тебе не приобрести машину? – пожал плечами Марина. – Купи, и проблема решена!

– Ты действительно не понимаешь или делаешь вид?

– И то, и другое, – рассмеялась подруга. – Знаешь, я в юности тоже парилась по поводу своей полноты, но потом это прошло. Я научилась подстраиваться и, что самое главное, научила других: если я вам не нравлюсь, это ваши проблемы, не мои! В любом случае, Аллусь, у меня все равно нет силы воли, чтобы, как ты, смотреть на обжираловок окружающих, не мечтая вырвать кусок у них изо рта.

– Еще как мечтаю, Марин! – улыбнулась Алла. – Но я поставила себе цель, а ты меня знаешь: если я что задумала...

– Да-да, знаю, – закивала адвокатесса, беря двумя пальцами лежащий на блюде пышно-бокий эклер с заварным кремом. – Как там твой сыщик поживает?

– Ты удивишься, но... у нас все отлично.

– Почему это я должна удивляться? Ты классная, красивая, да еще и умная, так с чего бы нормальному, здоровому мужику не захотелось тебя заполучить?

– Честно говоря, я думала, что мы переспим, и все закончится, – задумчиво проговорила Алла, помешивая вилкой остатки салата. – Видишь ли, Митя...

– О, он уже «Митя»!

– Да ну тебя!

– Прости, так о чем ты там думала-то?

– Ну, Митя не производит впечатления постоянного мужчины.

– А где ты их видела-то, постоянных мужиков? Все кобели как один – это я как специалист утверждаю! Однако и без них никак, поэтому приходится мириться с маленькими недостатками во имя... ну, во имя жизни на земле, к примеру. И во имя секса: за хороший секс, подруга, можно многое простить. А Митя твой как по этой части?

Алла лишь загадочно улыбнулась. Она любила Марину, но не была готова обсуждать с ней интимные подробности своей личной жизни.

– Вижу, что все путем, – ухмыльнулась Марина краешком рта. – Я за тебя рада, а то ты совсем зачахла после Михаила!

Михаил считался гражданским мужем Аллы в течение семи лет, после чего бросил ее и женился на дочери высокопоставленного чиновника из МВД. Брак помог Михаилу с продвижением по службе, а Алла не могла предложить любимому ничего подобного. Два года она пребывала в депрессии и набрала больше сорока килограммов, махнув рукой на собственную внешность. Но теперь все изменилось... правда, благодарить за это следовало вовсе не Дмитрия Негойду, а другого человека, который дал Алле понять, что ее пренебрежение собственным здоровьем чревато опасными последствиями. Возможно, его предупреждение прошло бы незамеченным, не показись доктор Князев Алле таким привлекательным. За два года он стал первым мужчиной, ради которого ей захотелось хорошо выглядеть. Она занялась собой, отправилась к диетологу и... нашла себе любовника, частного сыщика Дмитрия Негойду.

К облегчению Аллы, Марина не стала продолжать разговор на тему секса – она и сама еще не до конца понимала, насколько важны для нее отношения с Негойдой. Им хорошо вместе, и пока этого достаточно.

– Ну а у тебя как делишки? – поинтересовалась она у подруги. – Ты все еще со своим дирижером?

– Ну да, все еще, – кивнула Марина, жуя эклер. – Он потрясающе печет, представляешь?

– Печет?

– Ну, пироги там всякие, торты, печенье, пряники... короче, все, как я люблю! Хобби у него такое, видишь ли.

– Ну и славно. А на работе как?

– Да как обычно, – отмахнулась Марина.

Она занималась делами богатых и известных людей, улаживая их проблемы с законом. Как правило, правонарушения были мелкие, но случались и серьезные, и тогда Марина демонстрировала потрясающую изворотливость, граничащую с гениальностью, и доскональное знание гражданского и уголовного кодексов. У адвокатессы невероятная память – она до сих пор помнила имена, отчества и фамилии всех, кто проходил по ее делам десять-пятнадцать лет назад, род их занятий и детали личной жизни.

– Хотя, пожалуй, есть одно странное дело, – добавила Марина через минуту.

– Опять какая-нибудь звезда шоу-бизнеса набедакурила?

– Да нет, не звезда. Совсем наоборот.

– То есть?

– Пришлось заняться одной теткой, у которой детишек опека отобрала.

– Погоди, какие детишки? – удивилась Алла. – Ты же никогда...

– Это дело *pro bono*, – не позволила ей договорить Марина. – Трудовая повинность, ты ж понимаешь!

Дела «ради общественного блага» не обязательны для адвокатов, а, скорее, являются проявлением их социальной ответственности. Многие вообще не берутся за такие случаи, а если и берутся, то предпочитают те, которые могут вызвать наибольший общественный резонанс. Это помогает карьере и улучшает репутацию, но дело об опеке вряд ли обещало стать достаточно громким. Поэтому Алла спросила:

– Ты же с детьми не связываешься, что случилось?

– Да я и не собиралась... Понимаешь, она «срисовала» мой адрес с визитки бывшего клиента, в офисе которого убирается – уборщицей она работает. Пришла, наскочила на меня с порога... В общем, я не смогла отбрехаться!

Алла подозревала, что ситуация была несколько иной. Скорее всего, Марина пожалела женщину, у которой никогда не нашлось бы денег на полноценную защиту такой «акулы» юриспруденции, как адвокат Бондаренко. У подруги доброе сердце, но она почему-то стесняется это показывать.

– А почему ты говоришь, что дело странное? – задала она вопрос.

– Да, понимаешь, все как-то через... короче, через одно место сделано: явилась тетка из опеки в сопровождении полицейонера, причем притащились они в отсутствие мамы, не предупредив о визите заранее. В принципе, бывает, что они не предупреждают, но ведь заявились-то в рабочее время!

– Получается, предполагали, что никого из взрослых дома не окажется?

– То-то и оно.

– И что, сразу изъяли детей?

– Да. Моя клиентка – многодетная мать-одиночка, не пьет – во всяком случае, насколько можно сделать вывод по внешнему виду и стилю общения, дети ходят в детский сад и в школу...

– Тогда на каком основании детей забрали? – недоумевала Алла. – Они пришли с постановлением суда?

– Постановления никто не предъявлял – только акт об изъятии... С другой стороны, мать ведь отсутствовала, но старшая дочь утверждает, что никаких других бумаг ей не показывали.

– Возможно, решили, что с девочкой не обязательно церемониться, ведь она все равно в таких вещах не разбирается?

– Может, и так. Только вот я понять не могу, что это за странная практика такая – являться в дом в отсутствие взрослых и отбирать детей? Как воры, честное слово!

– Я слышала, что в Скандинавских странах так часто происходит, – заметила Алла.

– Да-да, их Барневарн² – пугало для каждого родителя! Если уж попадешь в их жернова – пиши пропало...

– Ну, это за бугром, а у нас-то вроде все не так радикально?

– Так самое интересное, детей теперь не выцарапать, моей клиентке даже свидания не разрешают!

– Почему?

– Кто ж их разберет?

– Постой, Мариш, ты сказала, что старшая девочка рассказала, что произошло – сколько же ей лет?

– Пятнадцать.

– То есть ее опека проигнорировала?

– И не только ее: старшего сына тоже оставили. Ему двенадцать.

– Интересно... Детей изымают, когда они находятся в заведомой опасности. Получается, в опасности находились только малыши, а старшие что, пусть пропадают?

– Ты логики в их действиях не ищи, – вздохнула Марина. – Ох, чувствую я, мне это дельце попортит крови!

Звук пришедшего сообщения прервал разговор подруг.

Алла прочла эсмэс и отложила телефон.

– С работы? – сочувственно поинтересовалась Марина.

– Нет, это Митя. Спрашивает, когда меня забирать.

– Он в курсе, что у нас встреча?

Алла кивнула.

– Ну, девка... Погоди, что-то у тебя физиономия не слишком счастливая: да ты же прыгать и скакать должна от радости, что мужик за тебя переживает, интересуется твоей жизнью, а ты, похоже, недовольна?

Пока Алла сообщала, как ответить на заковыристый вопрос, Марина вдруг воскликнула:

– Ой, а не в докторе ли твоем дело?! Слу-у-ушай, так у тебя все серьезно с ним?

² Барневарн – норвежская государственная социальная служба по помощи и поддержке детям и подросткам (прим. ред.).

– У меня – может, и да, а вот у него...

– Аллусь, ну почему тебе всегда все нужно усложнять? – всплеснула руками адвокатесса, позабыв об аппетитном пирожном буше, сиротливо лежавшем на блюде в полном одиночестве, усилиями Марины лишенном общества сладких собратьев.

– В смысле?

– Почему бы тебе не получить удовольствие от синицы в руках, а? Этот Дмитрий, он ведь тебе нравится?

– Нравится, но...

– Давай без «но», ладно? – перебила Марина. – Мы, бабы, дуры: когда нас любят, мы вечно чем-то недовольны, а когда влюбляемся сами, страдаем, мучаемся, переживаем... Как в анекдоте: мыши кололись, плакали, но продолжали есть кактус!

– Точно, – вздохнула Алла. – Знаешь, Мариш, пожалуй, я все-таки закажу себе кусочек шоколадного торта: от одного-то меня не разнесет, верно?

– Тебе сейчас просто необходимы «гормоны счастья»! – горячо поддержала подругу Марина и, не дожидаясь, пока она передумает, подозвала официантку.

* * *

– Итак, Севан, что вы можете рассказать мне о вашей пациентке Карпенко?

Доктор Мейроян сидел напротив Мономаха в его кабинете, являя собой картину безупречного здоровья и неземной красоты.

Если бы Мономах был женщиной, то непременно оценил бы потрясающие внешние данные молодого хирурга, его густые черные волосы, пышные усы, гладкую смуглую кожу и белые, ровные зубы – ну, ни дать ни взять, картинка с рекламы здорового образа жизни! Но Мономах был мужчиной, причем самой что ни на есть традиционной ориентации, и Мейрояна он к себе вызвал вовсе не за тем, чтобы полюбоваться на него, а чтобы задать кое-какие вопросы. По выражению лица молодого врача он заметил, что тот слегка занервничал.

– А почему вы спрашиваете, Владимир Всеволодович? – поинтересовался он осторожно.

– Потому что вчера вечером Карпенко чуть не ускакала из больницы на одной ноге, вот почему! Вы ее уже видели?

– Нет, Татьяна поймала меня на входе в отделение...

– Ясно. Я правильно понимаю, что для вас ее неадекватное состояние – не секрет?

– Правильно.

– Так в чем дело?

– Видите ли, Владимир Всеволодович, Карпенко поступила по «Скорой», ведь мы позавчера дежурили по городу...

– Я в курсе. Почему не к Тактарову?

– Он отказался принимать, сказал, что коек нет свободных. Только это вранье: после Карпенко он принял двух иногородних пациентов!

– То есть платных, – кивнул Мономах. – Понятно.

– Вот скажите, Владимир Всеволодович, разве заведением может выбирать, кого класть, а кого нет? – возмущенно продолжал Мейроян. – Тактаров пользуется отсутствием главврача и тем, что начмеду не до разборок!

– Бог ему судья, Севан, – отмахнулся Мономах. – Итак, Карпенко поступила к нам по «Скорой»?

– Ее велосипедист сбил. По городу поставили на тротуарах разметку для велосипедистов, но народ не привык оглядываться... Да и, честно говоря, кто ж ожидает, что люди будут ездить по снегу да слякоти? Вот и Карпенко не ожидала!

– Значит, она неудачно упала?

- Да, но...
- Продолжайте!
- Когда сделали рентген, я заметил на нем несколько сросшихся переломов.
- Несколько?
- Если точно, семь.
- Сколько?!
- Карпенко – не спортсменка, работает в круглосуточном магазине кассиром. Откуда, спрашивается, такие повреждения?
- Хороший вопрос, вы ей его задавали?
- А как же!
- И что она говорит?
- Что она неуклюжая, часто падает – стандартная отговорка избиваемых жен.
- Карпенко замужем?
- Я ее мужа не видел, он ни разу не пришел за два дня.
- А о детях вы разговаривали?
- О детях?
- Ну, о ее детях, которые дома остались?
- Нет, по правде сказать, я...
- Понятно. Я сказал девочкам присматривать за Карпенко, чтобы она, не ровен час, не попыталась снова рвануть домой, но и вы, Севан, не расслабляйтесь, ладно? Я уже «стукнул» Ковальчук...
- Кому, простите?
- Ну, соцработнице нашей. Чтобы она, значит, занялась Карпенко: может, разберется, что с детьми делать?
- В этот момент зазвонил телефон.
- Да? – сдернув трубку, гаркнул Мономах.
- Владимир Всеволодович, если вы сейчас не заняты, зайдите, пожалуйста, к главврачу, – услышал он незнакомый вежливый голос, который, совершенно определенно, не принадлежал тощей, высохшей, как вобла, секретарше Муратова.
- К... главврачу? – переспросил он, внезапно вспомнив о вчерашнем разговоре с Гурновым.
- Точнее, к и.о., да, – подтвердил голос. – Так вы зайдете сейчас?
- Через пять минут.
- Спасибо.
- Что случилось? – задал вопрос Мейроян, как только Мономах повесил трубку.
- Похоже, у нас новый главный, – пробормотал тот.
- Кто?
- Понятия не имею, но он хочет меня видеть.
- Ну, я тогда пойду... Владимир Всеволодович, как думаете, нам стоит волноваться?
- Вы о чем?
- О планах Муратова расформировать отделение. Как считаете, новый главный продолжит его дело?
- Поживем – увидим, – хмыкнул Мономах, провожая коллегу до дверей.
- Он подходил к кабинету Муратова... пардон, к бывшему кабинету Муратова, со смешанным чувством. С одной стороны, теперь за этими дверями сидит человек, который может оказаться лучше, чем бывший главврач. С другой – ощущения, которые он каждый раз испытывал, подходя к этому кабинету последние пару лет, приятными не назовешь, а потому нельзя сказать, что Мономах был преисполнен оптимизма.

Секретарша, как он и предполагал, оказалась незнакомой: вместо тощей, как ручка от швабры, помощницы Муратова, за столом в преддверии кабинета сидела немолодая дама приятной полноты в строгом коричневом костюме, который, впрочем, освежала белоснежная блуза с большим бантом.

– Здравствуйте, Владимир Всеволодович, – по-деловому улыбнувшись, поприветствовала она Мономаха, ни на секунду не усомнившись в том, кто он такой. – Меня зовут Ольга Павловна Чабрец – так, на будущее. Прошу, вас ожидают, – и она услужливо распахнула перед ним дверь.

Едва переступив порог, Мономах услышал радостное:

– Доброе утро!

– Ты?! – выпалил он, никак не ожидая увидеть на месте главврача Анну Нелидову, одну из главных членов проверочной комиссии, недавно завершившей работу в больнице. В результате этой самой работы Муратова отстранили от должности, ну а Нелидова стала любовницей Мономаха. По окончании расследования, разумеется, но она и словом не обмолвилась о том, что ее назначили и.о. главного!

– Прежде чем возмущаться... – начала она, но Мономах, ощущая, как из глубины желудка поднимается волна гнева, перебил:

– Возмущаться? Да я в бешенстве! Какого черта ты ничего мне не сказала?!

– Ну, во-первых, я сама только недавно узнала о своем назначении...

– Брось, такие вещи неожиданно не происходят! Думаешь, сюрприз меня порадовал?

– А почему нет? – пожала плечами Нелидова. – Твое отделение в безопасности, никто больше не собирается его расформировывать. Неужели тебе не хочется заполучить союзника в моем лице?

– Ты не подумала, что станут говорить в больнице?

– А что станут говорить?

– Не прикидывайся, Анна! – раздраженно фыркнул Мономах. – Поползут слухи, что и.о. главного – моя любовница, а это удар по моей, да и по твоей, репутации. Кроме того, найдется немало тех, кто скажет, что мы совместно состряпали дело против Муратова с целью его устранить и освободить место для тебя!

– Чуть! Мы начали встречаться уже после того, как...

– Да кто ж поверит?! Разве ты не видишь, как все это выглядит?

– По-моему, ты напрасно нагнетаешь, – покачала головой Нелидова. – Никто ничего не скажет, а если и подумает, какая разница? О начальстве редко хорошо отзываются, и я согласна принять удар на себя!

– Я вовсе не о том, чтобы переложить на тебя ответственность...

– Вот не думала, что ты такой щепетильный, Володя. Мы же не собираемся ходить по коридорам, держась за ручку, и обжиматься по углам!

– То есть ты предлагаешь скрываться?

– Да почему скрываться – просто не афишировать отношения, вот и все!

– Мне это не нравится. Мы взрослые люди, а такое поведение скорее свойственно подросткам!

– погоди, тебе еще понравится, – промурлыкала Нелидова и стала медленно приближаться к нему с вполне очевидными намерениями. Однако Мономах не был готов к такому развитию событий – во всяком случае, не сейчас, когда чувствовал себя круглым идиотом, чуть ли не последним узнав о высоком назначении любовницы.

– Не надо! – сказал он, отступая. – Я должен свыкнуться с этой мыслью и решить, что делать дальше.

– Мое мнение при этом учитываться не будет?

– Ты позвала меня, чтобы удивить, или...

– Нет, – вздохнула Нелидова, – конечно же, не за этим. Присаживайся, надо поговорить.

– О чем?

– Каково твое мнение о Тактарове, завтравматологией?

– Я в курсе, кто такой Тактаров, – буркнул Мономах. – И мое мнение тебе отлично известно!

Илья Тактаров являлся ближайшим другом отстраненного Муратова и, как подозревал Мономах, до сих пор продолжал держать его в курсе происходящего в больнице. Так что вот и еще одна причина злиться на Нелидову. Она самым натуральным образом «подставилась» и «подставила» его, ведь понятно же, что Тактаров станет шпионить за каждым их шагом и обязательно выяснит, в каких отношениях они состоят!

– Известно, – подтвердила Нелидова. – Как думаешь, есть смысл держать Тактарова в больнице или лучше от него избавиться раз и навсегда?

Мономах едва не лишился дара речи.

– К-как ты намереваешься это сделать? – проговорил он с недоверием в голосе. Если уж начистоту, то Мономах и мечтать не смел о таком счастье – одним махом убрать из больницы и Муратова и Тактарова, своих злейших врагов, однако то, о чем говорила Нелидова, звучало слишком хорошо, чтобы поверить.

– Есть способ, – усмехнулась она. – В отделение Тактарова попала пациентка с ВИЧ.

– И что?

– Ты не понял: пациентка понятия не имела, что у нее ВИЧ, так как Тактаров поспешил поскорее положить себе «платницу» в обход очередников.

Мономах промолчал: не секрет, что это обычная практика, выгодная не только заведующим отделениями, но и всей больнице.

– Понимаешь, – продолжала между тем Нелидова, – больная принесла анализы из платной поликлиники и, похоже, они «липовые».

– Так в чем вина Тактарова-то, не пойму? Мы *доверяем* поликлиникам!

– Пациентка иногородняя, и в таких случаях рекомендовано проводить экспресс-анализ в больнице непосредственно перед операцией – во всяком случае, хотя бы на ВИЧ!

– Рекомендуется – не значит требуется!

– Это если «пронесло» – тогда мы смотрим сквозь пальцы. В нашем случае все иначе.

– Думаешь, Тактаров сам себе враг? Разве он стал бы проводить операцию, если бы подозревал нечто подобное? Это означало бы подвергать опасности себя и других врачей и медсестер!

– Жадность фраера сгубила, как говорится, – скривилась Нелидова. – Конечно, Тактаров ничего такого не планировал, но спрос – с него, как с главы отделения.

– А откуда стало известно о том, что у больной ВИЧ? – поинтересовался все еще не убежденный Мономах. – По какой причине сделали новый анализ?

– Еще не сделали... вернее, сделали, но результатов нет: экспресс-анализ, как тебе известно, занимает пару суток.

– Тогда откуда...

– Практически сразу после перевода из реанимации в палату пациентка почувствовала себя плохо. У нее начался озноб, поднялась температура, а потом она начала кашлять кровью. Как тебе?

– Ее перевели в инфекционное?

– Да, но я сейчас не об этом...

– Я все равно не понимаю, в чем ты обвиняешь Тактарова, – прервал собеседницу Мономах. – Раз результатов нет, еще неизвестно, действительно ли у нее ВИЧ!

– Инфекционист говорит, что картина очень похожа.

– А что говорит сама больная?

– Все отрицает, возмущается. Она громко протестовала по поводу переезда в другое отделение и грозилась жаловаться в Комитет по здравоохранению.

– В любом случае, даже если анализ покажет наличие ВИЧ, Тактаров ни при чем: он же не сам его делал и «подмахнул» фальшивые результаты! И не факт, что анализы поддельные: ты же понимаешь, что вирус может не проявиться при одном анализе, но быть выявлен позднее – здесь время решает все!

– Разумеется, за это я Тактарова уволить не могу, – согласилась Нелидова, – но это – еще одна гирилка на весах против него! Он халатно отнесся к своим обязанностям, принял больную пациентку на операцию и поместил ее в одну палату с другими людьми, подвергнув опасности и их, и персонал отделения, ведь они понятия не имели о наличии у нее такого серьезного заболевания, и, следовательно – возможности принять соответствующие меры предосторожности. Операцию проводил не Тактаров, а Демин – это так, к сведению. Но зав, как ты понимаешь, получил свою «долю» от «платницы».

– Ты полагаешь, он намеренно поставил жизни и здоровье своих подчиненных под удар?

– В это так трудно поверить?

– Знаешь, Анна, вряд ли у Тактарова есть менее лояльный коллега, чем я, и все же я уверен, что он не стал бы делать того, в чем ты пытаешься его обвинить!

– Он не мог не видеть, что укладывает больную женщину!

– Если это и в самом деле ВИЧ, то симптомы могли проявиться в одночасье... Кстати, почему ты не рассматриваешь альтернативы?

– Например?

– Ну, ты же врач, подумай! Туберкулез, например?

– Анализ показал бы это. Если не показал, значит, он «липовый»!

– Хорошо, рак или абсцесс легкого, сердечная недостаточность или, наконец, банальный бронхит!

– Судя по кардиограмме (если, конечно, и она не фальшивка), сердечная недостаточность исключена. Кроме того, девица молодая, так что насчет рака...

– Ой, не говори: ведь и дети болеют! – отмахнулся Мономах.

– Ну хорошо, вот тебе последний аргумент, – поджав губы, сказала Нелидова. – Пациентка работает в службе эскорта.

– А это-то ты как выяснила? – удивился он. – Сомневаюсь, что она указала место работы в анкете!

– Узнала вот, как видишь. Поначалу у меня не было такой необходимости, но в свете текущих событий, пришлось. Заполняя документы, она указала другой род занятий – модель. Ну, ты же понимаешь!

– То есть ты предполагаешь ВИЧ на основании того, что подозреваешь пациентку в проституции?

– Считаешь, это маловероятно?

– Я с ней не знаком, и все же... Как она вообще попала на операцию к Тактарову?

– Насколько я поняла из истории болезни, у нее был перелом голени. Девушка приехала из Кировска, там ей и первую операцию по остеосинтезу сделали, поставили металлоконструкцию. В отделении Тактарова ее удалили.

– Это было необходимо?

– А что, ты бы оставил?

– Ну, варианты есть – я же не знаю ситуации. Наличие металлоконструкции может конфликтовать с суставными структурами и ограничивать движения. Кроме того, интенсивный рубцовый процесс, вызванный первичной травмой, может формировать контрактуру сустава, и тогда необходимо удалять и проводить мобилизацию мышц и сухожилий. Еще возможна

миграция импланта... Короче, нужно знать причину извлечения – можно у Тактарова поинтересоваться.

– Обязательно поинтересуюсь. Только это дела не меняет: как только получу результаты анализов, устрою Тактарову Варфоломеевскую ночь! Я хотела удостовериться, что ты меня поддержишь.

– Каким образом?

– Как специалист в той же области, что и Тактаров.

– Но речь ведь не идет о врачебной ошибке, и происшедшее не связано с качеством работы медперсонала!

– Верно, речь о халатном отношении заведующего отделением к своим обязанностям.

– Аня, ты сейчас занимаешься примерно тем же, чем занимался Муратов в отношении меня! Он постоянно пытался уличить меня хоть в чем-то, даже если я никоим образом не мог предотвратить случившееся. Когда в моем отделении умерли, один за другим, два пациента, Муратов даже ставил вопрос о моем увольнении. А потом выяснилось, что...

– Да-да, я в курсе истории! – закивала Нелидова. – Выяснилось, что в больнице орудовал «ангел смерти»³.

К счастью, продолжать она не стала, потому что вспоминать о том, как его собственная любовница оказалась преступницей, пусть и психически нездоровой, Мономаху было неприятно.

Интересно, Нелидова узнала обо всем непосредственно у отца Алсу, Кайсарова, большой «шишки» в Комитете по здравоохранению? Если так, то она в курсе подробностей. А если она в курсе, получается, Кайсаров приложил руку к назначению Нелидовой. Что, в свою очередь, говорит об их близких отношениях.

Еще до того, как с ней познакомился, Момах узнал от своего приятеля Гурнова, зав. патологоанатомическим отделением, что ходят слухи о желании кого-то из Комитета посадить на место Муратова свою любовницу...

– Я обязательно во всем разберусь, – сказала Нелидова. – Не волнуйся, я не стану уподобляться Муратову! Тактаров вообще должен радоваться, что все еще занимает свою должность, ведь ему была дорога туда же, куда и его приятелю!

– Насколько я понимаю, против Муратова пока что существуют только обвинения административного плана, а значит, и к Тактарову претензий быть не может.

– Это со стороны правоохранительных органов, а с моей стороны, как главвра... то есть и.о. главврача, очень даже может: я не намерена терпеть в больнице вора! Разве ты забыл, что они вдвоем с Муратовым «распиливали» госбюджетные и спонсорские деньги?

– Не забыл, но Муратова еще не уволили, а временно отстранили – до окончания расследования, чего уж о Тактарове говорить? Уверен, он, в случае чего, сдаст кореша со всеми потрохами и выторгует себе льготные условия. И ни я, ни ты ничего не сможем с этим поделаться! Если ты действительно хочешь избавиться от Тактарова, придется нарыть на него что-то посерьезнее, нежели пациентка с неподтвержденным диагнозом.

– Ладно, оставим это, – сдалась Нелидова. – Тебя сегодня ждать?

– Нет.

– Ты обиделся? Это как-то по-детски, не находишь?

– Мне надо подумать.

– О чем?

– О том, что делать дальше, – Момах демонстративно взглянул на циферблат часов. – Извини, у меня операция через пятнадцать минут!

³ Читайте об этом в романе Ирины Градовой «Предложение, от которого не отказываются» (Издательство «ЭКМО»).

* * *

Алла стояла в прозекторской и смотрела на лежащее на металлическом столе тело молодой женщины. Оно находилось не в лучшем состоянии, поэтому зрелище, и так-то безрадостное, было тяжелым.

– Дать «звездочку»? – сочувственно поинтересовалась патолог, с которой Алле не раз приходилось сталкиваться по работе.

Она бесконечно уважала Анну Яковлевну Сурдину за профессионализм и оптимистическое отношение к жизни. Казалось, откуда взяться оптимизму у человека, ежедневно вскрывающего тела людей, умерших самыми разнообразными способами, и все же Сурдиной это удавалось.

Маленькая, сухонькая женщина, здорово смахивающая на крошечную обезьянку-игрунку, которую Алла как-то видела в передаче о животных, отличалась не только высокими профессиональными качествами, но и человеколюбием, что редко свойственно представителям ее рода деятельности.

– Не надо, перебыюсь, – покачала головой Алла. – Все равно не помогает!

– Не скажите, Аллочка, – все лучше, чем без нее! Я-то уж лет двадцать пять как приючилась, а вот вы... Да что и говорить, тело-то уж давно похоронить следовало! Не понимаю, почему этого не произошло, а главное, что вы здесь делаете?

– Дед... то есть Кириенко попросил. Лично. Андрон Петрович Кириенко, генерал-майор юстиции, являлся руководителем следственного управления СК и непосредственным начальником Аллы. Их теплые отношения позволяли ему иногда просить об услуге.

– Не люблю идти по следам коллег, – поморщилась Сурдина. – Повторное вскрытие – не самое приятное дело, согласитесь!

– Даже не стану пытаться спорить! Кириенко считает, что речь может идти об убийстве. Что скажете, Анна Яковлевна?

– Самоубийство возможно, но есть кое-какие интересности.

– Поделитесь?

Когда Аллу вызвал к себе Кириенко, она не ожидала ничего хорошего: обычно он ограничивался звонком или случайными встречами в хитросплетениях коридоров СК, чтобы задать интересующий его вопрос. Алла отправлялась к нему на доклад, когда попадалось особенно сложное дело или когда расследование было успешно закончено.

Вызов к начальству означал, что разговор не телефонный. Так и вышло.

Кириенко поведал ей о самоубийстве некой Лидии Ямицковой.

Когда Алла выразила удивление по поводу того, отчего его заинтересовал банальный суицид, тот ответил, что есть основания подозревать убийство.

Алла не смогла добиться сколько-нибудь внятного ответа на вопрос, откуда взялись эти основания: Кириенко лишь сказал, что родственники не верят, что молодая и здоровая женщина могла свести счеты с жизнью.

– Проверь все как следует, – напутствовал Аллу начальник. – Выясни, есть ли хоть малейшая причина подозревать что-то другое. Если нет, просто скажи мне. Считай это личной просьбой, лады?

– Андрон Петрович, вы знали эту девушку? – напрямик спросила Алла.

– Нет, но я знаю кое-кого, кто очень заинтересован в установлении истины. Вскрытие было проведено спустя рукава, и никто не пытался копать глубоко. К счастью, тело не успели похоронить. Не завидую патологу, который будет проводить повторную аутопсию, но ничего не поделаешь!

– Видите ли, Алла Гурьевна, на первый взгляд все говорит о суициде, – продолжала между тем Сурдина. – Явных предсмертных повреждений я не обнаружила, но вот, взгляните, к примеру, на ее руки, – и патологоанатом приподняла кисть жертвы, чтобы Алле было удобнее смотреть. – Видите, два ногтя сломаны?

Алла кивнула.

– И на другой руке, вот, смотрите... Маникюр салонный, определенно сделанный не более чем за сутки до гибели – ногтевые пластины не успели отрасти.

– Девушка делает дорогой маникюр, а на следующий день кидается с балкона? – пробормотала себе под нос Алла. – Как-то не похоже на действия человека, задумавшего покончить с собой!

– Ну, если только она не хотела выглядеть в гробу красивой, – хмыкнула Сурдина. – С другой стороны, если бы она преследовала такую цель, то вряд ли выбрала бы столь грязный способ: мозги наружу, кости черепа вдребезги. Можно, к примеру, вскрыть вены в ванне или, на худой конец, наестся таблеток— самый «красивый» и, как правило, безболезненный вариант... Если, конечно, препараты подобраны правильно.

– Следы чужеродного эпителия есть?

– В том-то и дело, что нет, и это странно: жертва сломала ногти и можно предположить, что она боролась... Но, на мой взгляд, все выглядело несколько иначе.

– Как именно?

– Специалист, проводивший первую аутопсию, не удосужился сделать анализ содержимого желудка, однозначно предполагая суицид, однако я решила, что, раз ногти сломаны не во время борьбы, возможно, она какое-то время цеплялась за обрешетку балкона, пытаясь удержаться, а убийца...

– Убийца?

– Дайте мне закончить, ладно? Так вот, убийца, возможно, разжимал пальцы жертвы и по ходу сломал несколько ногтей, пока ему не удалось отцепить ее и она не сорвалась.

– Почему же девушка не кричала? – задала резонный вопрос Алла.

– Помните, я упомянула об анализе содержимого желудка? В нем обнаружили следы феназепама.

– Это ведь транквилизатор, верно?

– Да, и довольно сильный. Но это еще не все: помимо феназепама в желудке покойной оказался этанол.

– То есть она запивала лекарство алкоголем?

– Судя по всему, так. Делать этого ни в коем случае нельзя. Раньше феназепам назначали пациентам для снятия алкогольной абстиненции, но делалось это лишь после того, как из организма полностью выведен спирт. В противном случае последствия могут быть непредсказуемыми, вплоть до летального исхода. Часто в результате наступает так называемый феназепамный сон... Думаю, такова могла быть цель убийцы.

– То есть жертва уснула или впала в ступор, после чего преступник вывел или вынес ее на балкон и попытался сбросить вниз...

– А она, вероятно, пришла в себя и попыталась уцепиться за обрешетку, в результате чего сорвала ногти, но убийца разжал ее пальцы, и бедолага оказалась внизу. Только вот упала она не на асфальт, а на козырек магазина, расположенного на первом этаже. Благодаря этому факту тело обнаружили только утром, когда кто-то выглянул в окно, а там... Неприятно плохо отзываться о коллегах, но сдается мне, патолог, проводивший первым вскрытие, недоглядел: не всегда самая очевидная версия является правильной! Однако я все же предлагаю вам проверить, не принимала ли жертва феназепам в медицинских целях: может, она просто-напросто нарушила инструкцию, что и повлекло за собой смерть.

– Она могла сама дойти до балкона и решить, что это, к примеру, дверь в лучший мир? – недоверчиво нахмурилась Алина.

– И такое нельзя исключить, – кивнула Сурдина. – А потом что-то случилось, и она оказалась висящей на обрешетке. Попыталась удержаться, но безуспешно... Как я уже сказала, следов эпителия под ногтями не обнаружено, значит, все вполне могло произойти без посторонней помощи. Хотя, на мой взгляд, маловероятно! Да, и еще кое-что: у девочки сломаны мизинец и безымянный палец на левой руке.

– Вы же сказали, что следов борьбы нет?

– Сказала.

– Значит, жертва сломала их при падении?

– Чтобы возникли переломы такого типа, она должна была приземлиться аккуратно на пальцы.

* * *

Мономах намеревался уходить, как вдруг дверь без стука распахнулась, и в кабинет влетела Алина.

– Ой, Владимир Всеволодович, идемте со мной, пожалуйста, там жуть что творится!

У девушки было такое лицо, что он немедленно последовал за ней, на ходу интересуясь, что же все-таки случилось.

– Ой, там Татьяна с Лешей пытаются остановить этого мужика, но он такой здоровый лось, что они не справ...

– Какого мужика-то?

– Да мужа этой беспокойной пациентки, Карпенко!

– Так у нее, оказывается, муж есть – чего же она тогда бучу подняла, о детях волновалась?

– Ох, Владимир Всеволодович, вы просто еще его не видели – тот еще отморозок! Я бы ему не то что детей – кошку бы не доверила воспитывать!

В этот момент они как раз вырулили в коридор, где располагались палаты, и до Мономаха донесся шум борьбы.

Алина, забежав вперед, распахнула перед ним дверь.

Картина, представшая его взору, была достойна боевика. Здоровенный дядька, ростом под метр девяносто и весом за сто двадцать кило, пытался прорвать «заслон» из четырех человек, загораживающий от него съжившуюся на койке пациентку Карпенко.

Этими четверьмя были: длинная и тощая медсестра Татьяна Лагутина, мелкий, но все-таки не слабый медбрат Алексей Жданов и двое детей – девочка-подросток и мальчик лет десяти-двенадцати.

Видимо, Карпенко приходилась последним матерью: наступил час посещения, и они пришли навестить ее в больнице.

Лагутина с выражением непримиримой ярости на лице, с силой, какую в ней трудно было подозревать, удерживала гиганта за руки, в то время как Леха повис на его спине, пытаясь оттащить назад, а дети, обхватив «налетчика» за ноги, не давали ему ступить и шагу вперед.

Батальная сцена сопровождалась громкой руганью вредной пациентки Игнаткиной, возмущавшейся происходящим и призывающей на головы всех участников кары небесные.

Мономах, пожалуй, впервые за время знакомства с Татьяной, испытал к ней нечто вроде уважения: он и не предполагал, что она способна так рьяно защищать пациентку и палату от зарвавшегося «варяга». Медсестру в отделении недолюбливали, так как она весьма вольно трактовала свои обязанности, считая, что оказывает всем, включая начальство, услугу, а не обрабатывает пусть и маленькую, но все-таки зарплату. И все же в этот момент Мономах почув-

ствовал, что может простить ей прошлые прегрешения лишь за одно это «стояние» супротив разбушевавшегося мужчины, в несколько раз тяжелее ее!

Визитер был трезв, однако исходивший от него резкий запах застарелого перегара говорил о том, что состояние трезвости для него скорее исключение, нежели правило.

– И что тут происходит, позвольте поинтересоваться! – зычно крикнул Мономах, перекрывая вопли Игнаткиной, крики детей и пыхтение медперсонала.

– Охрану вызывайте! – сквозь зубы процедила Лагутина, ни на миллиметр не сдвинувшаяся с места, хотя ее противник и оказывал сильнейшее сопротивление, пытаясь вывернуть руку девушки. – Иначе этот утырок палату разнесет!

– Имею право! – заорал «утырок». – Я, между прочим, муж и отец вот этих вот самых... спиногрызов!

– Бывший муж! – пискнула Карпенко, пытаясь оттащить мальчишку от великана. – И никакой ты не отец, тебя давным-давно родительских прав лишили!

– А-а, значит, лишила прав и расслабилась? – прорычал гигант, отбиваясь от детских рук. – Только вот я-то согласия своего не давал, получается, незаконно все, так?

– Нет, не так, – рявкнул Мономах и, оттеснив девочку-подростка, схватил мужчину за локоть, ловко заворачивая его за спину. По ходу он поймал взгляд Лагутиной. Он редко выражал что-то, кроме презрения ко всему миру, но в нем промелькнуло нечто, похожее на уважение. Или показалось? – Если вы не забыли, это больница, а не ваша квартира!

– Так вот пусть она и отдаст мне ключи от квартиры, потому что я попасть туда не могу!

– Нечего тебе делать в нашей квартире! – снова крикнула Карпенко: голос ее слегка окреп при виде заотделением. – Она моей матери принадлежала, а ты там сроду прописан не был!

– Стерва!

– Давайте-ка выйдем? – предложил Мономах тоном, не допускающим возражений.

– Никуда я не пойду! – взревел «налетчик».

– А вот и пойдете! – возразил Мономах, делая ему подсечку ногой под колени и выталкивая из палаты при помощи Лагутиной и Жданова. Дети к тому времени отцепились от отца, сообразив, что взрослым лучше не мешать, и теперь стояли возле материнной койки. Подоспел охранник, вызванный кем-то из пациентов или персонала, не участвующего в потасовке. Он и помог Мономаху вывести продолжавшего бушевать посетителя из отделения.

– Я на вас в суд подам! – вопил он, тщетно пытаясь вырваться. – Вы не имеете права меня выпихивать, вы об этом пожалеете!

Когда Мономах вернулся в палату, пациентки бурно обсуждали случившееся. Карпенко бросилась благодарить его за избавление от бывшего, но Мономах остановил ее взмахом руки.

– Скажите, Галина Петровна, этот человек – отец ваших детей?

– Да, – виновато подтвердила она. – Мы долго терпели пьянки и издевательства Бориса, но потом он сел в тюрьму за драку с нанесением тяжких телесных, и я вздохнула с облегчением. Вы не представляете, как счастливо мы зажили!

– А потом Борис вернулся, и все началось сначала?

Женщина кивнула:

– Только по-прежнему уже не будет: пока он сидел, я подала на развод. Квартира оформлена на меня и детей, так что он не имеет на нее никаких прав... Но я боюсь, что пока меня нет, он каким-то образом туда проникнет! А еще... мне кажется, что это из-за Бориса у меня отобрали близнецов!

– Вы думаете, он позвонил в опеку?

– Нет, но соседи могли. Борис несколько раз приходил, барабанил в дверь, и соседям даже приходилось вызывать полицию. Они приезжали, я объясняла ситуацию, и Бориса уводили. Задерживать его надолго не могли, поэтому отпускали после «беседы». Только все бесполезно – он возвращается снова и снова, и я просто не знаю, что делать!

– Да, это могло послужить причиной того, что опека заинтересовалась вашей семьей, однако... Я, конечно, не эксперт в таких делах, но мне все же кажется, что они не могли вот так просто отобрать у вас детей – без решения суда, без предварительных визитов... И почему только младших?

– Господи, я понятия не имею! – всхлипнула пациентка, и Мономах испугался, что она может разрыдаться, а успокаивать женщин он, как и большинство мужчин, не умел и страшно боялся женских истерик.

– Вы беседовали с нашим социальным работником? – поспешил он задать вопрос в попытке отвлечь Карпенко и предотвратить катастрофу.

– Да, она сказала, что постарается что-нибудь разузнать...

– Вот и отлично! Вы сейчас все равно бесполезны, как рабочая единица, и должны поправляться и поменьше нервничать. Ваши дети в безопасности: уж лучше в детприемнике, чем под угрозой того, что до них доберется их папаша, верно? А теперь ложитесь-ка в постель и отдохните как следует. А вы, – обратился он к детям, молча слушавшим их беседу, – проследите, чтобы мама вела себя примерно, ладно? Если что, сразу бегите ко мне или к постовой медсестре. Сможете это сделать?

Оба кивнули почти одновременно.

– Ну вот и отлично! – пробормотал Мономах и вышел из палаты.

Татьяна и Леха оживленно разговаривали в коридоре.

– А вы молодец, – словно бы с некоторым недоверием заметила Лагутина. – Как вы его ловко вытолкали!

– Вы тоже молодцы, оба, – вернул комплимент Мономах. – Надеюсь, больше не придется выполнять функции ОМОНа – все-таки здесь больница, а не поле боя!

– А что, мы можем! – сияя улыбкой, открывающей белые, но щербатые зубы, ответил медбрат. – У нас неплохая команда сложилась!

Радуюсь тому, что на сегодня бои закончены, Мономах двинул к лифту: часы показывали начало восьмого, и на выезде из города он непременно «впилится» в большую пробку, которой теперь уж точно не избежать.

* * *

Квартира Галины и Лидии Ямщиковых располагалась в районе станции метро «Парнас» – скажем прямо, далеко не элитная недвижимость на задворках Санкт-Петербурга, со всех сторон окруженная промзоной.

Бетонный завод, склады стройматериалов, ангары – вот в каком окружении приходится жить аборигенам. Но это не самое неприятное. Самое – это понатыканные повсюду линии электропередачи. Такое впечатление, что район опутан проводами, словно паутиной.

Нет, ни за какие коврижки Алла не согласилась бы жить в таком месте!

Но у многих просто нет другого выхода, и жилье даже в таком месте кажется отличным вариантом, если вторая альтернатива – съемная хата и постоянная угроза того, что хозяева вдруг решат тебя выселить, потому что жилплощадь срочно понадобилась их детям, внукам, брату, свату и так далее.

Она ожидала застать мать погибшей девушки в слезах, ведь трагедия произошла шесть суток назад, однако ошиблась: Лариса Дмитриевна Ямщикова выглядела хоть и измученной, но вполне адекватной и собранной.

– Знаете, я рада, что дело моей дочери ведет женщина, – сказала она, ставя на стол две чашки и разливая заварку.

– Почему? – поинтересовалась Алла.

– Потому что можно ожидать какой-никакой, а все же объективности. До вас приходил дознаватель, и он счел, что ситуация не требует дополнительного расследования – типа, все же очевидно!

– Самоубийство?

– Не могла Лидочка такого над собой совершить, это я вам говорю, как ее мать, самый близкий человек, с которым она всем делилась!

Алла промолчала, по опыту зная, что родители частенько принимают желаемое за действительное. Им кажется, что дети искренни с ними, но они, как правило, сильно преувеличивают степень их доверия к себе. И все же мнение матери, у которой были хорошие отношения с дочерью, следовало учитывать.

– Лида была девочкой домашней, не бегала, как другие, по клубам, с парнями не встречалась... – продолжала Ямщикова, но тут Алла решила ее перебить:

– Вы уверены насчет парней? Ваша дочка – молодая, симпатичная девушка...

– Совершенно уверена! Дело не в том, что за Лидочкой никто не пытался ухаживать, просто она не встретила своего мужчину, понимаете? У нее на этот счет имелись определенные принципы, и она не видела причин бесцельно болтаться с кем-то, у кого нет серьезных намерений на устройство личной жизни. Да и с этой работой у Лидочки не было лишнего времени, она все силы, всю душу ей отдавала!

– А кем, простите, работала ваша дочь? – спросила Алла.

– В опеке.

– Кем?

– Специалистом. Ну, должность такая, понимаете? Есть специалист, есть старший специалист и, кажется, ведущий специалист... Странно, да? У них там все должности такие – кроме, разве что, юристов. Адская работа, скажу я вам! С утра до вечера в бегах, по всем этим неблагополучным семьям, а ведь им даже проезд на транспорте не оплачивают – все за свой счет!

– Несправедливо! – согласилась Алла.

– И не говорите! Там вообще многое делается на добровольных началах – просто благотворительная организация! Говорила я Лидочке, давай к нам, в школу, завучем по внеклассной работе...

– Вы в школе работаете?

– Двадцать шесть лет уже, одиннадцать из которых директорствую. Лидочка пошла по моим стопам, поступила в педагогический университет на факультет дефектологии и психологии, окончила с красным дипломом. Перед ней открывались разнообразные перспективы, но дочка выбрала какой-то чересчур уж тяжелый путь! Она говорила, что хочет набраться опыта, работая с неблагополучными семьями, чтобы потом применить его в дальнейшей карьере. Ну и еще она хотела написать диссертацию на эту тему.

– Так Лида что, училась в аспирантуре?

– Да. Господи, у нее же все еще было впереди! Ямщикова словно только сейчас вспомнила, что дочери больше нет и что никакие планы и перспективы ее не волнуют. Она тяжело опустилась на стул и, взяв ложку, машинально принялась помешивать успевший подостыть чай.

Алла позволила несчастной матери взять паузу, так как понимала ее состояние. Но все же не стоило давать ей чересчур много времени, ведь тогда женщина могла погрузиться в свое горе и перестать представлять интерес как ценный свидетель.

– Скажите, Лариса Дмитриевна, – начала Алла, – Лида не жаловалась вам на кого-то из знакомых или коллег?

– Жаловалась?

– Мы исходим из того, что ваша дочь не сама спрыгнула с балкона. Значит, ее кто-то толкнул...

– Я же говорила, что патологоанатом ошибся!
– Это пока не точно. Видите ли, на теле Лиды отсутствуют следы насилия, зато в ее желудке обнаружили следы феназепама.

– Чего?

– Это такой психотропный препарат. Кстати, Лида, случайно, не наблюдалась у психиатра?

– Вы шутите?

– Может, вы не знали?

– О таком, поверьте, я бы знала! Лида – совершенно нормальная девочка, кем вы пытаетесь ее тут представить?! Мне сказали, что пришлют непредвзятого человека, который хочет разобраться в смерти моей дочери, а вы...

– Лариса Дмитриевна, я-то как раз и хочу разобраться! Такие медикаменты не принимают просто так, более того, они не отпускаются без рецепта. Если Лида не посещала психиатра, наличие препарата в ее крови может означать две вещи. Первое: она каким-то образом добыла феназепам, который ей никто не прописывал, перебрала с дозой, в результате чего произошел несчастный случай. Второе: кто-то другой достал препарат, опоил вашу дочь и столкнулся с балкона, пользуясь ее беспомощным состоянием. Если верен последний вывод, Лида, скорее всего, сама впустила этого человека в квартиру, так как доверяла ему и не ожидала подвоха. Это мог быть друг или коллега.

– Или сосед... – медленно произнесла Ямщикова.

– Почему сосед? – удивилась Алла. – Вы кого-то подозреваете?

– Даже не знаю... Есть один парень, Павел Токменев, живет ниже этажом...

– И что с ним?

– У него были с Лидочкой стычки.

– На почве чего?

– Бездельник он, постоянно домой водит всяких отморозков. Его бабушка, милейшая женщина была, только и могла, что соседям жаловаться – а что еще сделаешь-то?

– Полицию вызвать, например?

– Как же, внучок, родная кровь! А как померла бабушка, так Пашка и вовсе с катушек слетел, вот Лидочка и ругалась с ним, до всех ей было дело – как будто на работе проблем не хватало!

– Что ж, мы обязательно проверим этого Павла. А вы сами, Лариса Дмитриевна, где были в тот злополучный вечер?

– Вы и меня подозреваете?!

– Нет, что вы, просто пытаюсь понять, как вышло, что вы живете вдвоем, а в день гибели Лида оказалась в квартире одна.

– Я была на даче у подруги... Как чувствовала, не надо было ехать! У подруги юбилей был, пятьдесят пять лет, и она сказала, что я обязательно должна съездить, развеяться, а то ничего, кроме своей школы, не вижу!

Впервые за время разговора в глазах Ямщиковой блеснули слезы. Она чувствовала себя виноватой, что не осталась, не была рядом с дочерью, думая, что ее присутствие могло все изменить и девушка осталась бы жива. Если имело место самоубийство или несчастный случай, возможно, и так, в противном же случае убийца все равно нашел бы возможность подобраться к Лиде в тот момент, когда ее некому защитить.

Ничего этого, само собой, Алла не стала говорить матери, потерявшей ребенка.

– Вы ни в чем не виноваты, – сказала она, мягко кладя руку на плечо Ямщиковой. – Что бы то ни было, случайность или убийство, вы не смогли бы это предотвратить!

– Вы можете пообещать, что разберетесь в том, что произошло с Лидочкой?

– Непременно разберусь, дайте только немного времени, ладно?

Алла ненавидела давать обещания. Во-первых, никогда не знаешь, сможешь ли их выполнить: существуют обстоятельства, которые от тебя не зависят, а человек, которому ты что-то пообещал, в случае провала будет винить именно тебя. Во-вторых, давая обещание, ты ведь не знаешь, куда это тебя заведет: вдруг то, что ты выяснишь в процессе его выполнения, не понравится «заказчику», а то и вовсе окажется неприятным, даже страшным открытием, за которое он тебя не только не поблагодарит, но и возненавидит? И все же родственники жертв постоянно хотят заверений в том, что их родные не останутся лишь именами на бумаге в деле, положенном под сукно. Хотя, в сущности, какая разница: мертвых не вернешь, сколько бы сил и времени ты ни вложил в поиск истины.

Вот Алла, в который уже раз, и дала обещание матери, совершенно не уверенная, что сможет его сдержать.

– Нам понадобится компьютер Лиды, – сказала она. – И ее телефон.

* * *

Мономах, громко крикнув, вытянул ноги и откинулся на диванную подушку: состояние блаженства, которое он испытывал в этот момент, трудно было бы описать словами. На несколько часов можно выкинуть из головы все проблемы как рабочие, так и личные, и превратиться в овощ на грядке – нирвана!

– Дядя Вова, к вам гости! – раздался голос у него в голове.

Ощущение такое, словно кто-то вдруг решил помешать ложкой «смузи», в который уже успели превратиться его усталые мозги: внезапно в спокойной взвеси поднялась буря, заставившая разлепить отяжелевшие веки и недовольно взглянуть на нарушителя тишины.

Сархат жил у Мономаха уже полгода. Он и сам еще не до конца определился с тем, в качестве кого – работника, бесплатного жильца или приемного сына. Их отношения начались, когда домработница Мономаха пригласила гастарбайтеров из бригады, работающей на соседнем участке, отремонтировать протечку в кровле.

Сархат и его коллеги отлично справились с работой, после чего коллеги ушли, а парень остался. Он продолжал работать в разных строительных бригадах, когда случались заказы, но также успевал помогать Мономаху по хозяйству, проживая в сараюшке, который они с хозяином на скорую руку переоборудовали во вполне комфортабельное жилое помещение.

И вот теперь Мономах спрашивал себя, правильно ли поступил, впустив в свою жизнь паренька, который считал своим долгом исполнять еще роль личного секретаря и портье.

– Какие еще гости? – недовольно буркнул он. – Одиннадцатый час!

– Он говорит, что это важно, – спокойно ответил Сархат (спокойствие являлось неотъемлемой частью его натуры). – И срочно.

– Слушай, хватит в ступе воду толочь! – раздался из прихожей другой голос, знакомый и резкий.

Неприятный – не из-за тембра, а лишь потому, что принадлежал персонажу, с которым Мономаху меньше всего хотелось бы общаться в этот вечерний час. Точнее сказать, никакое время суток не сделало бы это общение более или менее приятным. Голос Ильи Тактарова.

– Он сам вошел, я его не впускал! – заметил Сархат все тем же невозмутимым тоном.

Позади заведующего травматологическим отделением приплясывал, переминаясь с ноги на ногу, Жук, огромный ирландский волкодав. Привезенный когда-то сыном Мономаха Артемом маленький щеночек вымахал до невероятных размеров, однако, несмотря на пугающий вид, нрав он имел ласковый и дружелюбный, словно какая-нибудь болонка. И никакой от него пользы: впускает в дом, кого ни попадя, приветствует, как дорогого гостя, и провожает прямым к хозяину с таким видом, будто исполняет его же поручение!

– Твой «дворецкий» не хуже цепного пса, ей-богу! – процедил Тактаров, кидая недовольный взгляд в сторону Сархата. – Кучеряво живете, господин Князев!

– Ладно, Сархат, иди к себе, – вздохнул Мономах, стряхивая с себя остатки дремы и начиная слегка закипать от наглости Тактарова, посмевшегося вломиться на его частную территорию в неурочный час.

– Уверены? – изогнул четко очерченную бровь парень, с сомнением разглядывая незваного гостя.

– Абсолютно. Иди же!

Сархат удалился, но, прежде чем дошел до выхода, успел несколько раз оглянуться, как будто бы ожидал, что «варяг» накинется на хозяина дома, и тогда придется его защищать. Правда, при наличии Жука в помещении, опасаться такого поворота событий, пожалуй, не приходилось.

– Послушай, Илья, – сказал Мономах, – если ты не намерен заняться боксом прямо у меня в гостиной, то, может, присядешь и расскажешь, зачем приперся?

– Не стану я садиться, и не надейся! – прорычал Тактаров. – Думаешь, я не в курсе, чем ты занимаешься?

– Ну, может, тогда и меня просветишь? Так, для порядку?

Мономах понятия не имел, что имеет в виду незваный гость, но он видел, что тот не только рассержен, но и, как ни странно, напуган. Что, черт подери, происходит?

– Ты сговорился со своей любовницей Нелидовой убраться из больницы! – выпалил Тактаров, все же плюхаясь в кресло напротив.

Оно жалобно скрипнуло под его весом: завтравкой был не столько толстым, сколько очень коренастым, а потому достаточно тяжеловесным.

Упс-с! Откуда ему известно об их с Анной отношениях? Интересно, кто еще знает?

– И каким же образом мы планируем, гм... осуществить сей заговор? – спросил Мономах, хотя отлично знал ответ – она сама ему рассказала.

– Ой, только не надо ля-ля! – отмахнулся Тактаров. – Зачем вы раскручиваете случай с ВИЧ-инфицированной пациенткой, разве это моя вина?

– Никто ничего не раскручивает... – попытался возразить Мономах, но был прерван.

– Да ладно, брось! Почему из болезни Протасенко делают такую проблему? Ну, не обнаружили в ее анализах ВИЧ – разве мы не понимаем природы вируса, который имеет инкубационный период? В конце концов, в лаборатории могли напутать... или Протасенко и в самом деле добыла «липовые» анализы, какая разница? Неужели ты считаешь, я стал бы рисковать здоровьем своих врачей, если бы знал о вирусе?

– Нет, не считаю, – честно ответил Мономах – так же, как ответил и Нелидовой во время их беседы. – Я думаю, здесь либо какая-то ошибка, либо умысел, но не твой.

Сказать, что Тактаров выглядел удивленным, означало сильно преуменьшить его реакцию.

– То есть ты... ты не считаешь меня виноватым? – пробормотал он растерянно.

– Разумеется, нет – с чего ты взял? Я даже не понимаю, что мы обсуждаем, ведь анализ еще не готов, верно?

– А-а, так ты все-таки говорил об этом с Нелидовой!

– Не стану отрицать.

– И она не предложила тебе использовать этот факт для выдавливания меня из больницы?

– Я не собираюсь это с тобой обсуждать, как и свою личную жизнь – она тебя не касается.

Если хочешь знать, я выразил свое мнение достаточно четко: *я не считаю*, что в случившемся есть твоя вина. Это – случайность, с которой может столкнуться любой из нас. Возможно ли, что Протасенко намеренно пыталась скрыть наличие заболевания из опасения, что в твоём отделении откажутся ее оперировать?

– Не думаю, – покачал головой Тактаров. – Девушка – модель, она вела себя так, словно впереди у нее успешная карьера! Если бы она знала о ВИЧ, разве была бы столь беспечна?

– А я слышал, она оказывала эскорт-услуги, – вскользь заметил Мономах.

– Впервые слышу!

– Ты можешь объяснить, зачем вообще понадобилась операция? Можно было ее не делать?

– Думаешь, я до такой степени жаден? Операция девушке была показана. В родном городе ей установили металлоконструкцию весьма низкого качества, пластина и винты были сделаны из сплавов, имеющих разный химический состав. Они содержали хром, кобальт и высокую концентрацию никеля, что привело к металлозу. Разумеется, это выяснилось лишь тогда, когда металлоконструкцию извлекли, так как пациентка не смогла предъявить ни справку из больницы, где ее устанавливали, ни паспорт импланта, который обычно выдают при выписке. Рано или поздно, металлов привел бы к обширному воспалению – просто до этого не дошло!

Мономах понимал, что это означает: металлоз, если по-простому, представляет собой коррозию металлических фиксаторов. В результате в окружающих тканях возрастает концентрация железа, хрома, никеля или титана. Сочетание различных марок стали в конструкции усиливает металлоз, так что, Тактаров, как ни печально это признавать, прав.

– На самом деле, – продолжал визитер, – девушку больше всего волновал неприглядный келлоидный рубец. Она хотела, чтобы мы сделали косметическую коррекцию, а заодно уж и извлекли металлоконструкцию. Ее беспокоила не только косметика: в силу профессии она вынуждена носить модельную обувь на шпильке, что вызывало постоянную травматизацию и причиняло сильный дискомфорт. Так что железяку удалили и сделали эстетическую коррекцию рубца – убили, так сказать, двух зайцев. И, между прочим, предотвратили дальнейшее развитие металлоза!

– Почему ты не оперировал пациентку сам? – поинтересовался Мономах.

– Все еще подозреваешь, что я намеренно рисковал своими людьми? – нахмурился Тактаров.

– Просто ответь на вопрос.

– Хорошо. Я хотел оперировать, но накануне... короче, встретился с бывшими одноклассниками.

– То есть ты был с похмелья? – уточнил Мономах.

– Да-да, ну и что?

– Я просто спросил. Почему ты все это не рассказал Нелидовой?

– А она меня не спрашивала.

– Как это?

– А вот так: она со мной не разговаривала, предпочтя действовать за моей спиной!

– Я не знал.

– Ага, как же!

– Даже пытаться не стану тебя убеждать: можешь верить, можешь нет.

Тактаров подозрительным взглядом изучал лицо Мономаха, пытаясь понять, правду тот говорит или врет. Наконец он произнес:

– Ладно, поверю... Значит, ты не приложил руку к «подрывной» деятельности Нелидовой? Тогда почему она решила вплотную заняться мной?

– Ну, это тебе лучше у нее поинтересоваться! Сдается мне, твои, гм... близкие отношения с Муратовым сыграли не последнюю роль: каждый новый главный в первую очередь пытается избавиться от тех, кто был особо приближен к его предшественнику. Видимо, Нелидова – не исключение.

– Ты мне поможешь?

– Каким, интересно, образом? Я уже сказал Нелидовой, что...

– Да дело не в разговорах: надо выяснить, что на самом деле у Протасенко, ВИЧ или...
Может, это что-то еще?

– Я правильно понимаю, ты просишь *меня* провести расследование?

– Ты же помогал этой следовательне, как ее там... Сурковой, да? И не один раз!

– Но мы ведь не с преступлением имеем дело, Илья, это совершенно другая ситуация!

Да и что тут расследовать? Придут анализы, и все станет ясно!

– Ты не понимаешь!

– Возможно, ты что-то не договариваешь?

– Мамаша девицы грозитя со мной разобраться! Пришла, устроила скандал, орала на все отделение!

– Ну и что, ты же не виноват!

– Нелидовой это на руку: она с удовольствием выкинет меня вон, если разгорится скандал!

– Да на каком основании-то?

– Мать утверждает, что у дочери не было никакого ВИЧ, что они регулярно проходят медосмотры и знали бы, если бы она сумела его заполучить! Проблема в том, что оперировать должен был я, но, как ты уже знаешь, не смог. Мне кажется, Нелидова хочет представить все так, будто бы я знал о поддельных анализах, потому-то и не стал настаивать на том, чтобы провести повторные тесты в больнице...

– Ты не обязан был этого делать! – перебил Мономах. – С какой стати тебе сомневаться в ее справках?

– Да но... Понимаешь, анализы просрочены. Ненадолго, всего на десять дней.

– Если у пациентки ВИЧ, десять дней ничего не решают. Давай подождем? Могу обещать одно: я поговорю с Нелидовой и постараюсь не допустить, чтобы твоя судьба решилась раньше, чем станет ясно, что на самом деле произошло. Но ты же понимаешь, что я не могу дать тебе гарантию: если у нее в планах тебя уволить, она это сделает, хоть мытьем, хоть катаньем!

– Вряд ли получится сделать это так легко... если ты, конечно, не станешь ей помогать!

– Не стану. Ты, главное, глупостей не наделай: работай себе тихонько, не пытайся связываться ни с дочкой, ни с ее мамашей – это только навредит. Когда выяснится, чем больна пациентка, будем думать, что делать дальше!

Когда Тактаров удалился, в комнату вошел Сархат: похоже, он все это время подслушивал за дверью.

– Нехороший человек, – поморщившись, изрек он. – Зачем вы даете ему какие-то обещания?

Мономах слегка оторопел: откуда Сархату знать о том, что за человек Тактаров, ведь он не упоминал его имени в присутствии паренька и не выражал своего мнения на его счет?

– Это тебя не касается, – ответил он. – Он не мой закадычный друг, но я не могу переть против истины: как бы там ни было, а Тактаров не виноват в случившемся.

– Ну почему вам всегда во все надо вмешиваться? – не сдавался Сархат. – Сидите себе и ждите, пока все само собой решится! А теперь, получается, вы будете защищать ушлепка, который вас ненавидит и при первом удобном случае подкинёт подлянку?

Прозорливости парня оставалось только дивиться. Мономах и сам не обманывался на счет Тактарова: тот пришел, полагая, что он имеет влияние на Нелидову. И еще за тем, чтобы выяснить, насколько сильно Мономах поддерживает и.о. главного.

Может, Сархат прав, и следовало сразу выставить Тактарова за дверь? А то теперь, получается, он стал его союзником!

* * *

– Значит, убийство? – уточнил Антон, теребя в руках точилку для карандашей в форме самолетика: он как сейчас помнил, что имел точно такую же в своем пенале, классе эдак в пятом.

Не в первый раз Суркова, чисто интуитивно, объявляла «очевидное» самоубийство или несчастный случай убийством – и редко ошибалась! У следачки нюх на такие вещи, и Шеин научился не сомневаться в ее удивительных способностях: если она говорит, что подозревает убийство, стоит к ней прислушаться.

– Попытаемся проверить эту версию, – кивнула Суркова. – Есть нестыковки.

– Например? – вскинулся Саня Белкин, самый младший член группы. – Я читал отчеты судмедэксперта и патологоанатома...

– Я тоже читала, Александр, – мягко прервала его Алла. – Неужели вас не удивил тот факт, что молодая девушка, не состоящая на учете у психиатра, наглоталась психотропных таблеток, запивая их алкоголем? И таблетки эти, между прочим, не так-то легко достать!

– Ну, мало ли, почему люди решают свести счеты с жизнью! – развел руками парень. – А что касается пилюль этих, так сейчас в интернете все можно купить и рецепта там никто не спрашивает!

– Да не было у нее причин для столь радикального шага! Во всяком случае, так считает ее мать.

– Алла Гурьевна, нам ли не знать, что родственники – последние люди, знающие причины, повлекшие за собой самоубийство! – впервые подал голос Ахметов.

– Верно, Дамир, но я не настаивала бы на дополнительной проверке, если бы не имела на то веских оснований. Во-первых, девушка приняла слишком большую дозу препарата. Сурдина полагает, что в таком состоянии она вряд ли смогла бы самостоятельно дойти до балкона. Кроме того, у нее сорваны несколько ногтей: скорее всего, она цеплялась за решетку балкона, пытаясь удержаться.

– Ну хорошо, а если она не собиралась кончать с собой, а, перебрав с таблетками и спиртным, каким-то образом оказалась на балконе, перегнулась через перила и упала? – предположил Антон. – Хотя, честно говоря, сомнительно, чтобы при высокой ограде такое было возможно!

– Согласна! – кивнула Алла. – Я приберегла главный аргумент напоследок: видите ли, у жертвы сломаны два пальца, и это – не результат падения.

– А результат чего? – поинтересовался Белкин.

– Сурдина считает, что такие переломы могли образоваться, если кто-то пытался силой разогнуть пальцы девушки, уцепившейся за решетку балкона.

Пальчики у нее тонкие, и кто-то достаточно сильный вполне мог это сделать.

– Но почему она не кричала? Неужели никто не видел, как все происходило?

– Ну, мы не знаем, как на нее подействовал препарат... А насчет того, кто что видел или слышал – вы, Дамир, займитесь опросом соседей. В особенности прошу вас пообщаться с неким... сейчас скажу, – Алла полезла в свой блокнот, – Павлом Токменевым.

– Чем славен сей субъект?

– Тем, что находился в контрах с покойницей. С вас также камеры видеонаблюдения – если таковые имеются поблизости. Антон, с вас опрос коллег Ямщиковой, а также подруг: ее мать дала список, он короткий. А вы, Александр, упомянули о возможности купить феназепам через интернет: проверьте это. Я привезла компьютер Лиды, там должны остаться какие-то следы. Заодно поройтесь в соцсетях – вдруг там найдутся зацепки?

Ну вот, опять его оставляют «в офисе»! Саня так любил «топтать землю», работая с людьми, со свидетелями и подозреваемыми, а его, как назло, редко допускают до настоящего дела! Однако спорить с Сурковой он не решился, ведь даже старшие коллеги такого себе обычно не позволяют.

* * *

В «царстве Аида», иными словами, в вотчине Ивана Гурнова, Мономах окунулся в белое безмолвие.

В отличие от большинства отделений, по коридорам которых снуют пациенты и медицинский персонал, здесь тихо и спокойно, ничто не нарушает священной тишины. Патолого-анатомическое отделение, вопреки общему мнению, не ограничивается стенами морга.

Отделение Гурнова по большей части имеет дело с живыми, а не с мертвыми. Основная задача патолого-анатомического отделения состоит в том, чтобы исследовать биопсийный и операционный материалы, а вовсе не во вскрытии мертвых тел. Так как больница является центральной городской, сюда свозят материал из соседних медицинских учреждений, включая онкодиспансер. Без вскрытий, само собой, не обходится, но они составляют всего треть от общего объема работы.

Несмотря на все это, львиная доля персонала других отделений полагает, что Гурнов с утра до вечера режет покойников с перерывом на обед.

Иван встретил друга в дверях – как будто учуял его приближение – и буквально втащил в свою «келью».

– Давай-давай, заходи! У меня есть чертовски качественный тят-тятыч – не хуже мейрояновского!

Севан Мейроян, состоящий в родстве чуть ли не с каждым армянином, проживающим в Санкт-Петербурге, и с половиной Еревана, действительно частенько снабжал Мономаха отличным армянским коньяком, производством которого занималась его зарубежная родня. Он не мелочился и привозил коньяк ящиками, поэтому Мономах делился с Гурновым, большим ценителем напитка.

Рабочий день закончился, и они с Иваном могли позволить себе расслабиться, поэтому Мономах обрадовался предложению. Придется брать такси до дома, но это не впервой.

Гурнов разлил напиток по стаканам, в то время как Мономах с уважением изучал этикетку на французском.

– Отличное пойло! – причмокнув, сказал патолог. – Ты знаешь, что я предпочитаю армянскую выделку, но это – просто нечто!

Оба воздали должное коньяку, сделав по паре глотков, после чего Гурнов спросил:

– Так ты о чем поговорить-то хотел? Опять что-то стряслось?

– А ты не в курсе?

– Никак о Протасенко речь?

– Как догадался?

– Ну как же, мне нечасто приходится иметь дело с ВИЧ-положительными пациентами!

– А она ВИЧ-положительная?

– Пока не могу сказать.

– Анализ не готов?

– Готов. – И?

– И – не могу сказать.

– Это как?

– Понимаешь, судя по симптоматике, это ВИЧ, однако анализ отрицательный.

– Выходит, нет никакого ВИЧ?

– А вот и не выходит! Понимаешь, анализ на ВИЧ может быть ложноотрицательным, если пациент принимает антидепрессанты.

– А она принимает?

– Еще как— с ее-то профессией! Так что перепроверяем сейчас. Есть вероятность, что это – не ВИЧ, а, к примеру, гонорея. Я предложил инфекционисту уже сейчас давать Протасенко ципрофлоксацин и цефтриаксон: чем раньше она начнет принимать препараты, тем больше шансов на стабилизацию состояния. Посмотрим, может, поможет... Так что, как ни жаль это признавать, Тактаров не виноват: если даже я пока не могу определить, чем больна Протасенко, то вряд ли это смогли бы сделать в поликлинике по месту ее жительства. И то, что анализ просрочен, ничего не меняет.

– Ты и это знаешь?

– А то! Только вот не пойму, ты-то с чего всполошился: неужели Нелидова решила исполнить нашу с тобой давнюю мечту и выдавить-таки Тактарова из больнички? Знаешь, трудно себе представить такое счастье: Муратова нет, а тут еще и его миньон полетит следом!

– Дело не только в Нелидовой. Она, конечно, хочет избавиться от Тактарова, понимая, что он всегда будет находиться в стане ее противников и при первой же возможности воткнет нож между лопаток. Врач-то он неплохой, если не принимать во внимание человеческие качества...

– Вернее, отсутствие таковых, – поправил Мономаха Гурнов. – Чего нет, того нет!

– Как я уже сказал, дело не в Нелидовой. Представляешь, он ко мне приехал!

– Тактаров?!

– Угу.

– То есть как это – приезжал... домой, что ли?

– Буквально позавчера.

– И чего ему надо – пободаться? В больнице места мало?

– Да не бодаться он приходил, а просить о помощи.

– Тактаров?!

– Ну да, прикинь!

– А ты не думаешь, что это – всего лишь уловка с целью усыпить твою бдительность?

– Для чего?

– Ну, мало ли... Знаешь, мне все время кажется, что Тактаров с Муратовым затаились в засаде и только и ждут момента, когда можно будет выскочить и побольнее ужалить. Нелидова права, что хочет вытравить Тактарова из больнички: им двоим тут не ужиться! Неужели ты намерен ему помогать?

– Нет, не помогать, но... Ты же понимаешь, что этот инцидент – не его вина? То есть Тактарову не следовало принимать просроченные анализы, и он должен был настоять на том, чтобы пациентка повторно сделала их в больнице, но ты же сам говоришь, что они могли ничего и не выявить, так?

Гурнов нехотя кивнул.

– Я еще не забыл, как Муратов пытался избавиться от меня под надуманным предлогом, – продолжал Момах. – Так не должно быть – ни с кем, даже с Тактаровым. Видит Бог, никто не желает его удаления больше меня, но здесь дело принципа!

– И все-таки мой тебе совет: не вмешивайся! Стой в сторонке и жди, как говорится, пока мимо тебя проплывет труп Тактарова⁴. Ну, не так радикально, конечно. Хотя, с другой стороны...

⁴ Перефразировка выдержки из «Искусства войны» Сунь Цзы (прим. ред.).

* * *

Алла шла на встречу с Мариной, как обычно, в приподнятом настроении. Подруги старались не нарушать традицию и встречались пару раз в неделю. Обе работали в центре, поэтому это было несложно – если, конечно, у Марины не случалось заседания суда, или у Аллы не возникали какие-то непредвиденные обстоятельства на службе.

В зале царил полутьма, и только три столика занимали посетители кафе. Одним из них оказалась Марина. Она выбрала местечко у окна, но, к удивлению Аллы, перед адвокатессой не стояло, по обыкновению, блюдо с пирожными. Неужели подруга не в настроении?

– Привет! – бодро поздоровалась она, подходя и клюя Марину в пухлую, гладкую щеку.

От нее пахло духами Champs-Elisees – других адвокатесса не признавала.

– И тебе привет, – вяло ответила подруга.

– Что-то случилось?

– С чего ты взяла?

– Ты одета в темные цвета, хотя обычно похожа на жар-птицу— это раз. Не уписываешь эклеры, которые обожаешь, а мусолишь чашку черного кофе – это два. Ну и, наконец, у тебя самое кислое выражение лица из всех, что я могу вспомнить за годы нашего знакомства. Достаточно для подозрений?

– Что ж, ты права, – вздохнула Марина. – Настроение у меня фиговое: в кои-то веки решила сделать то, чего никогда не делала, и, похоже, зря напряглась!

– И чего же ты никогда не делала – не прыгала с парашютом, не ныряла с аквалангом или не ездил на верблюде?

– Ну, положим, на верблюде я ездил, – возразила адвокатесса. – В Тунисе... Бедный тот верблюжонок – тяжело ему пришлось! Но после поездки я дала ему фиников, так что он внакладе не остался!

– Тогда о чем речь?

– Помнишь, я взялась за дело pro bono?

– Конечно! – Алла вздохнула с облегчением: она-то уж решила, что у Марины не в порядке со здоровьем или проблемы в личной жизни. – И что, клиентка неблагодарной оказалась?

– Откуда ты знаешь? – выкатила глаза подруга. Алла растерялась: она ляпнула первое, что пришло на ум.

– Неужели угадала? – спросила она.

– Угу. Понимаешь, люди вроде нее вечно прибегают, выдвигают из тебя слезу, и ты проникаешься к ним сочувствием, из кожи вон лезешь, пытаешься помочь, а они...

– А они принимают это как должное?

– Если бы только это!

– А есть что-то еще?

– Баба приползла ко мне вся в соплях, рыдала, что твоя египетская плакальщица, и я согласилась помочь. Ненавижу дела об опеке, не берусь за такие: никогда не знаешь, что было, а чего не было – кто там разберет, что в чужой семье происходит, за закрытыми дверями!

– Ты расстроена и сердита, – заметила Алла. – Значит, обнаружила нечто, заставившее тебя усомниться в честности клиентки?

– Да уж, «нечто»... Я провела небольшое исследование, опросила соседей. Соседи, скажу я тебе, прямо-таки кладезь информации о своих ближних!

– Согласна, но не забывай, что они – как свекровь или теща, которые редко хорошо отзываются о зяте или невестке!

– И все-таки соседи дают весьма полезные сведения, которые не может дать никто другой, ведь они живут друг с другом бок о бок и видятся почитай что каждый день.

– Так что ты выяснила?

– Что эта Иночкина и все ее семейство – не такие уж белые и пушистые, как она себя изображала в моем кабинете.

– А именно?

– Ну, во-первых, у нее есть старший брат, наркоман. Четыре ходки за торговлю «дурью» и хранение, а также за разбой и хулиганство.

– Они что, в одной квартире живут?

– Нет, но он, по словам соседей, частенько навевывается. Квартира ранее принадлежала их родителям, и брат, само собой, не согласен с тем, что сестрица со своим выводком «приватизировала» хату. Он устраивает такие дебоши, что весь подъезд ходуном ходит! Между прочим, и сама Иночкина не чужда семейному пристрастию: на нарах она, конечно, не сидела, но в прошлые годы задерживалась за хранение. Ее дважды ограничивали в правах на старших детей, но в последние годы она вроде бы взялась за ум, устроилась на работу и восстановилась в правах. Успев при этом родить еще двоих детишек и выгнать очередного сожителя.

– Вот это новость! – пробормотала Алла.

– Сама понимаешь, мне было очень неприятно такое узнать! Но я – адвокат и обязана защищать клиента, независимо от его морального облика.

– Тем более что Иночкина исправилась!

– Кроме того, как я уже сказала, изъятие детей осуществлялось каким-то диким способом, в обход четко прописанной процедуры. Вдобавок ко всему, в, с позволения сказать, документе, оставленном службой опеки (честно сказать, он годится только в качестве туалетной бумаги), весьма туманно описаны основания для изъятия: совершенно непонятно, в чем обвиняют мамашу. Да, в холодильнике отсутствовала черная икра и даже красная, сама квартира действительно нуждается в ремонте, а детские вещи передаются от старших к младшим штопаными-перештопаными, но в большинстве многодетных семей дела обстоят подобным образом! Дети здоровы, не вшивы, не избиты и не истощены – какова цель органов опеки? И еще один вопрос, на мой взгляд, немаловажный: если все так плохо, то почему не забрали всех? Разве старшие дети не находятся в такой же «ужасной» опасности, что и младшие?

– Ты разговаривала с представителями опеки?

– Нет, решила начать с соседей, чтобы собрать побольше сведений и понять, с кем имею дело. Я пыталась связаться с Иночкиной, чтобы объяснить по поводу ее, мягко говоря, скрытности, но не сумела: телефон не отвечает, представляешь! Я написала сообщение, но ответа не получила: похоже, она передумала со мной связываться, так как ожидала, что я, как полная идиотка, накручу всю ее «лапшу» на уши и приму слова на веру, ничего не проверяя!

– Может, стоит встретиться с Иночкиной лично? – предположила Алла. – Чтобы поставить все точки над i?

– Наверное, так и придется поступить, – вздохнула Марина. – Не люблю бросать дело на полпути! Хотя, скорее всего, это ничего не даст: тетка, видимо, узнала, что я проводила опрос соседей за ее спиной, и то ли обиделась, то ли испугалась...

– Удивительные совпадения случаются в жизни! – проговорила Алла задумчиво.

– Ты о чем сейчас?

– Понимаешь, я сейчас веду дело об убийстве, и жертва – работница органов опеки!

– Да ты что? С другой стороны, если они все действуют одинаковыми методами, не удивлюсь, что кто-то решил радикально выразить свое мнение по этому поводу!

– Точно, – кивнула Алла. – Ты дала мне в руки важную ниточку! Раньше я думала сосредоточиться на окружении жертвы – ну, знаешь, друзья, врагах и любовниках, а теперь вот считаю, что «рабочая» версия, пожалуй, более правдоподобна! Придется как следует порас-

спросить не только ее коллег, но и, так сказать, «клиентов». Если окажется, что убиенная участвовала в рейдах типа того, о котором рассказала ты... Между прочим, я даже пока не до конца уверена, что имею дело с убийством!

– Да ну? – приподняла тонко выщипанные брови Марина.

Адвокатесса тщательно следила за собой, и даже глубокая депрессия или сильное огорчение не могли заставить ее отказаться от маникюра, стильной прически или услуг косметолога. В отличие от Аллы: в подобных состояниях она предпочитала отсиживаться дома, заедая горе сладостями и печеностями...

Во всяком случае, так было раньше.

– Там вообще-то все не так однозначно, – подтвердила Алла. – Но я подозреваю самое худшее, и работать будем, предполагая убийство. А там – как получится.

* * *

– И еще один вопрос, Полина Демьяновна, – сказал Дамир, переворачивая листок блокнота и проверяя, все ли учел при беседе с самой пожилой соседкой Ямщиковых по этажу. – Известно ли вам что-нибудь об отношениях Лиды и Павла Токменева?

– Ох, дорогой мой, мне известно *все!* – всплеснула руками Полина Демьяновна Лобанова, интеллигентная дама за семьдесят, одетая в старомодное платье с кружевным воротничком, что делало ее похожей на престарелую гимназистку. Манеры ее были под стать, и Дамир, которому радушная хозяйка предложила чаю с печеньем и вареньем, все время боялся сделать что-то не то и вызвать неодобрение хозяйки. – Этот Павлик... А ведь был хорошим мальчиком, можете себе представить? Я помню его еще в школе, ходил туда-сюда, маленький такой, чистенький, с портфельчиком...

– А нельзя ли чуть поближе к дню сегодняшнему? – поторопился попросить Ахметов, опасаясь, как бы пожилая дама не решила рассказать ему всю жизнь Токменева, начиная с детского сада.

– Разумеется, разумеется, дружок, – закивала Лобанова. – Бабушка Павлика – чудеснейшая, наимилейшая женщина, и дочка ее, Любушка, тоже была прекрасная девочка...

– Была?

– Вот я к этому и веду: с тех пор как Любушка умерла от рака – такая молодая, всего-то сорок девять ей было! – Павлик совсем от рук отбился. Бабушка, конечно же, не могла держать его в узде, отца нет, вот он и связался с дурной компанией. Что ни день – дебоши, крик-шум, шприцы на лестнице... В общем, с Павликом и до армии сладу не было, а уж после... Стоило сделать ему замечание, как он из себя выходил, мог и подраться, причем не особо разбирал, мужчина с ним говорит или женщина. Однажды даже до поножовщины дошло!

– Неужели?

– Максим Петрович с нижнего этажа поднялся к нему, позвонил в квартиру, а Павлик ему – ножик под ребра, представляете?! Просто чудо, что Максим Петрович серьезно не пострадал, а Павлик загремел в тюрьму на полтора года...

– Я все еще не понимаю, при чем тут Лида Ямщикова!

– Лидочка была единственным человеком, который имел хоть какое-то влияние на Павлика.

– Да вы что?

– Когда-то, еще в школе, он за ней ухаживал. Seriously ухаживал, такая милая парочка была... Нет, вы не подумайте – ничего *такого* между ними не происходило, но смотреть на них было одно удовольствие! Тогда еще Любаша была жива, и Павлик вел себя более или менее прилично. Знаете, прямо иллюстрация к истории «Барышня и хулиган»!

– А потом что случилось? Поссорились?

– Да не то чтобы... Знаете, просто пути у них разошлись, я так думаю. Лидочка стремилась помогать людям, даже в опеку работать пошла против воли собственной матери – та считала, что такая работа слишком трудная, не для молодой девушки, во всяком случае, и что она не сможет испытывать удовлетворения, занимаясь семьями алкоголиков и наркоманов. А Павлик после смерти матери и бабушки покатился по наклонной... Лидочка честно пыталась его вернуть, но не смогла – тяга к плохому оказалась сильнее и любви, и здравого смысла.

– И что, с тех пор они не общались?

– Да что вы, конечно общались – приходилось, ведь Лидочка была единственной, к кому Павлик прислушивался!

– Ей удавалось его урезонить?

– Иногда удавалось, но чаще – нет. И наконец Лидочка сдалась. Она перестала видаться с Павлом и даже отвечать на его звонки. Я знаю, потому что общаюсь с ее мамой, Ларисой, – добавила она, словно боясь, что оперативник может усомниться в ее словах. Но Дамир и не думал этого делать, слушая соседку Ямщиковых, этот кладезь информации, с величайшим вниманием.

– Павел приходил иногда, долбился в их дверь, но Лариса и Лидочка обычно не открывали. Иногда Лидочка выходила и гнала его, а несколько раз соседи полицию вызывали. Павла забирали, но потом отпускали, ведь он до того случая с Максимом Павловичем ничего такого уж страшного не делал...

– Как думаете, мог Павел причинить Лиде вред? Пожилая дама помешкала с ответом.

– Знаете, я ведь считала, что Лидочка сама... ну, вы понимаете.

Ахметов молча кивнул.

– Но теперь, когда вы сказали, что это убийство, – продолжала соседка, – я тоже задумалась. С одной стороны, Павлик ведь любил Лидочку, и трудно предположить, что он мог настолько выйти из себя, чтобы такое сотворить!

– Но он же напал на вашего соседа, – возразил Дамир. – И даже отсидел – тюрьма не столько исправляет, сколько наказывает и делает и без того агрессивных людей еще более злыми!

– Наверное, вы правы, – вздохнула Лобанова. – И все-таки... Нет, я не верю в то, что Павлик мог убить Лидочку! Хотя...

– Что – хотя?

– Раз уж на то дело пошло, скажу: я видела, как они ругались.

– Лида с Павлом?

– Да.

– Из-за чего вышла ссора?

– Из-за того же, что и всегда, – из-за друзей Павла, из-за шума-гама, выпивки и драки. Я забыла упомянуть о потасовке, которая имела место на лестнице за пару дней до того, как Лида попыталась в очередной раз сделать Павлу внушение.

– Кто-то серьезно пострадал?

– Два парня. Их на «Скорой» увезли.

– Кого-то задержали?

– Нет, все успели разбежаться, но мы же понимаем, кто во всем виноват!

– А Лида тут при чем?

– Когда я пошла выносить мусор, то увидела Лидочку с Павлом на лестнице, возле мусоропровода. Они разговаривали негромко, но эмоционально. При моем появлении замолчали, но я так поняла, что Лидочка отказалась делать что-то, о чем ее просил Павел. Ему это очень не понравилось, и он даже обозвал ее нехорошим словом.

– А она что?

– Лидочка сказала, что ему следует взяться за ум, иначе он окончит свои дни в тюрьме.

– Она имела в виду что-то конкретное?

Соседка покачала головой.

– Может, она стала свидетелем драки или другого правонарушения? – предположил Ахметов.

– Не думаю...

– Почему?

– Да потому что Лариса обязательно мне об этом рассказала бы, ведь мы видимся почти ежедневно!

– А вдруг Лида не рассказала матери о том, что видела?

Лобанова только плечами пожала.

* * *

Полина Семенчук не значилась в списке ближайших подруг Ямщиковой, и как раз этим привлекла внимание Белкина. Он не стал спрашивать дозволения начальства на визит к девушке, решив проявить самостоятельность.

У Лидии была страничка в одной-единственной социальной сети, и он с удивлением отметил, что для молодой девушки у покойной маловато друзей и подписчиков. Почти вся информация была защищена настройками приватности, но Белкину без труда удалось ее взломать. Однако взломанные данные, как показалось ему на первый взгляд, не представляли для следствия ни малейшего интереса.

Тем не менее ему удалось найти некую Полину, числившуюся в друзьях Ямщиковой, но ни словом не упомянутую ее мамашей. И именно этот факт заставил Белкина сорваться и, пренебрегая правилами, дунуть по адресу, который он легко установил по базе СК.

Семенчук мало походила на представительниц круга, в котором вращалась Лида. Она была богата, ничем, кроме ухода за собственной персоной, не занималась и, что оказалось весьма на руку Белкину, обожала болтать.

– Да, жалко Лидку! – печально проговорила девушка, едва услышав, по какому поводу к ней заявился молодой опер. – А вы правда в Следственном комитете работаете? – тут же переключилась она, как будто кто-то невидимый нажал на кнопку внутри ее черепной коробки. – Просто вы такой молодой и симпатичный...

Польщенный Белкин подтвердил этот факт, продемонстрировав удостоверение. Он нечасто встречал девушек, подобных Семенчук: наверное, они ходили по другим улицам, сидели в других заведениях общепита и посещали магазины, в которые Сане даже в голову не пришло бы заглянуть в силу заоблачных цен и товаров, найти применение которым в собственной жизни парень определенно затруднился бы.

Полина обладала безупречной кожей, покрытой легким, явно искусственным загаром, огромными голубыми глазами и копной тщательно уложенных дорогим парикмахером волос – и это уже в середине рабочего дня! Весь ее облик прямо-таки вопил о том, что Полина – редкая экзотическая птица, охотится на которую позволено лишь очень состоятельным или как минимум знаменитым молодым людям, к каковым Белкин уж точно себя не относил. И все же ему приятно было получить от нее неожиданный комплимент.

– Вы с Лидой были школьными подругами? – задал он вопрос, стараясь вернуть беседу в нужное ему русло.

– Школьными? – удивилась девушка. – Да бог с вами, Лидка училась в общеобразовательной школе, а я – в английской гимназии!

– А как же вы тогда познакомились?

– Да у нас не было никаких шансов, если бы не мой братец.

– А-а, так... простите, ваш брат ухаживал за Лидой?

– Ну, можно и так сказать! – печально улыбнулась Полина. – Пошли, покажу!

Пройдя по невероятно длинному, как показалось Белкину, коридору, они оказались у двери. Девушка толкнула ее и вошла, опер – за ней. На стене, в которую сразу же уперся его взгляд, висел гигантский портрет молодого человека на мотоцикле.

Даже будучи мужчиной, Александр не мог не признать, что брат Полины отличался редкой привлекательностью. Общего у них с сестрой было мало – разве что светло-русые волосы. В то время как красота Полины создавала впечатление хрупкости и женственности, парень выглядел брутально, чему немало способствовал байкерский прикид.

– Отличный снимок, – пробормотал Белкин, просто чтобы что-то сказать. – А где я могу найти вашего брата?

– На кладбище.

Белкин решил, что Полина неудачно пошутила, но, взглянув на ее внезапно потемневшее лицо, сообразил, что она имела в виду именно то, что сказала.

– Простите... то есть примите мои соболезнования. Девушка молча кивнула.

– А когда это произошло?

– Полгода назад. Примерно. Ну, хоть умер он счастливым...

– В смысле?

– Разбился на своем дурацком мотоцикле!

Что ж, следовало ожидать...

Вспоминая лицо Лиды Ямщиковой, Саня задавался вопросом: что привлекло к ней такого парня, как Слава Семенчук? Умопомрачительной красоткой она вовсе не была, хотя, безусловно, Белкин находил ее привлекательной – как и практически любую юную особу. Кроме того, молодые люди вращались в абсолютно разных кругах: ну что общего могло быть у выпускницы педагогического вуза, выращенной матерью-одиночкой, и красавца-мажора, сына богатых родителей?

Это не имело отношения к делу, но Белкин все же решил задать интересующий его вопрос:

– Скажите, Полина, а как они вообще...

– Как они вообще встретились? – перебила Полина, вновь обретая оптимизм: Саня заметил, что девушке, видимо, свойственна частая смена настроения – такова уж ее натура. – Вот уж точно, ничто не предвещало! Да и где бы они могли познакомиться, верно? Дело в том, что Лидка сбила Славку на мотоцикле.

– У Лиды... был мотоцикл?

– Да не у нее, а у Славки! Ну вот, она перебежала дорогу в неподобающем месте, а Славка, как обычно, гнал на своем байке на бешеной скорости... Поздно было, дороги пустые, вот он и летел как сумасшедший. Заметил Лидку и буквально «уложил» мотоцикл на асфальт. Она, к счастью, не испугалась, вызвала «Скорую», даже с ним поехала в больницу. Славка серьезно не пострадал, только вывихнул запястье да ноги сбил в кровь... Вот так все и завязалось. Что вы, такая любовь-морковь началась – просто ужас!

– Почему же ужас? По-моему, любовь – это прекрасно!

– Да потому что мамаша Лидкина была против того, чтобы они с братом встречались.

– Что ее не устраивало?

– То, что он ничем не занимается, не работает, хотя и окончил Сорбонну...

– Что, простите, окончил?

– Ну, университет в Париже, Сорбонна называется. Славку папа в Париж отправил, а меня – в Кембридж... Папка все надеялся, что брат подрастет мозгами и станет в бизнесе его правой рукой, а потом уж и вовсе займет его место. Не срослось.

– А что за бизнес?

– Ресторанно-магазинный в основном. Ну, знаете, наверное, сеть супермаркетов «Лукошко» и кафе, к примеру, «У кота Бориса»?

– О, так это все – вашего папы?!

Разумеется, Белкин знал эти заведения: «Лукошко», правда, для него слишком уж дорогой магазин, несмотря на ласковое народное название, а вот в «Кота Бориса» он порой заходил – там подавали изумительные пироги и пирожные.

– Получается, маме Лиды не нравился образ жизни вашего брата? – уточнил Саня.

– Точно. Она все талдычила: работать, мол, надо, на жизнь зарабатывать... Только ведь Славка зарабатывал, причем столько, сколько Лидкиной матери и не снилось!

– Чем же?

– Гонками.

– Мотоциклетными гонками можно хорошо заработать?

– Нелегальными, само собой. Есть, знаете, в городе любители острых ощущений. И тех, кто хочет просто посмотреть, тоже хватает. Если удавалось выиграть, Славка мог пол-ляма домой притащить!

– Да вы что?!

– Ну да. Только он тут же его и просаживал – по клубам да по барам... Ну и Лидке что-нибудь покупал. Думаю, все золотишко, какое у нее есть, – это от него подарочки.

– Хорошо, я понимаю, чем ваш брат привлек Лиду, но чем она-то его заинтересовала? – недоумевал Белкин. – Мне кажется, у него имелся огромный выбор девушек одного с ним круга!

– Это да... Мне кажется, Лидка просто была в новинку, понимаете?

– Боюсь, не совсем...

– Ну, все прошлые девчонки Славки интересовались только шопингом, фитнесом и цацками, а Лидка... Она добрая, трудолюбивая, книжки умные читала, да еще и его любила – по-настоящему, ясно? Уж как она убивалась, когда Славка разбился – наверное, больше, чем все мы... Кроме папы, конечно: он до сих пор иногда брата в толпе ищет, со спины других парней за него принимает... Мне даже пришлось ей психоаналитика искать!

– Вы нашли Лиде психиатра? – переспросил Белкин.

– Не психиатра, а психоаналитика, – поправила Полина. – Вернее даже, клинического психолога. Я боялась, Лидка что-то с собой может сделать... нехорошее. Видит бог, я обожала Славку, но даже ради него не стоило сводить счеты с жизнью!

– И что, помог психолог Лиде? Полина пожала плечами.

– Как Славка разбился, мы почти не общались, – ответила она. – Может, и помог... Так, вы говорите, убили Лидку?

После услышанного Белкин уже не был в этом уверен, поэтому просто кивнул.

– А кто убил, за что? Знаете, по-моему, нет такого человека, которому Лидка мешала или просто успела бы навредить!

– Почему вы так считаете?

– Безобидная она... была. Ей же всего двадцать четыре года, ну кому могло понадобиться ее убивать?!

* * *

Отношения Мономаха с заведующим инфекционным отделением Олешиним можно было охарактеризовать одним словом – никакие. Не потому, что эти двое не ладили, а из-за того лишь, что им практически не приходилось общаться. Они не сталкивались по работе, не имели общих пациентов и встречались только на общепольничных «летучках», едва узнавая друг друга в лицо. Поэтому Мономах удивился, когда Олешин сразу назвал его по имени-отче-

ству, одновременно протягивая руку для приветствия. И это – при том, что именно Мономах пришел к нему, а не наоборот.

В отличие от Олешина, Мономаху пришлось выяснить имя-отчество визави в отделе кадров, потому что в его отделении никто понятия не имел, как зовут завинфекционным.

– Гурнов рассказал мне о проблемах Тактарова, – сразу сказал Олешин, не успев Мономах открыть рот. – Вы ведь здесь из-за этого?

– Ну, не совсем, – ответил тот. – Хотел навести справки о пациентке...

– О Валерии Протасенко? Интересно, что пришли вы, а не Тактаров: его, похоже, это дело вовсе не интересует! А зря, ведь вся больница гудит, что он то ли проморгал анализы, то ли...

– Давайте начистоту, Антон Семенович, – перебил завинфекционным Мономах. – Вам удалось поставить диагноз?

– Нет, но...

– Неужели вы всерьез думаете, что, даже будь анализы Протасенко в полном порядке – в смысле, сделаны неделю назад, – вы бы знали, что с ней?

Олешин озадаченно хмыкнул.

– Мне казалось, что Тактаров – не самый ваш близкий друг, – сказал он. – Почему вы его защищаете?

– Не защищаю, а интересуюсь: я, видите ли, очень любопытен! После беседы с Иваном мой интерес возрос.

– Что ж, сам теряюсь в догадках, – вздохнул завинфекционным. – Признаться, я вызвал консультантов из Боткинской больницы, но не жду от них многого: старая гвардия с опытом вымирает, а остальные, вы уж меня простите...

Он не закончил, но этого и не требовалось.

Самое сложное в медицине – диагностика. Пациента можно исцелить лишь в том случае, если точно знаешь, чем именно он болен, в противном случае все, что ты делаешь, – симптоматическое лечение, от которого мало толку, особенно в случае инфекционных заболеваний.

– Есть ли у пациентки реакция на ципрофлоксацин и цефтриаксон? – поинтересовался Мономах.

– Как мертвому припарка!

– А какие симптомы есть, помимо жара и кашля с кровью?

– Головные боли, схваткообразные рези в животе. Сегодня утром несколько раз была сильная рвота с кровью и гноем.

– Как насчет менингита?

– Вторичного, вы имеете в виду? – уточнил Олешин.

– Ну да, как вариант. Или, раз ВИЧ и гонорея не подтвердились, может, сифилис? На его фоне частенько возникает вторичный менингит.

– Сифилис отрицательный, – покачал головой врач. – После того, что мы узнали об анализах Протасенко, проверили на все распространенные венерические заболевания – ноль.

– Ладно... Туберкулез? Или чего попроще – к примеру, гайморит, ангина, отит?

– Ничего этого в истории болезни нет.

– А вы с пациенткой говорили?

– Это сейчас не представляется возможным, Владимир Всеволодович: Протасенко чаще находится в состоянии замутненного сознания. Приходится общаться с ее истеричной мамашей!

– И что говорит мать?

– Удивительно, как мало она интересуется жизнью дочери! Вы видели Протасенко-старшую?

Мономах отрицательно качнул головой.

– Они похожи как две капли воды, только с разницей в двадцать пять лет. Обе – грудастые блондинки, искусственные губы, искусственные зубы...

– Погодите, младшенькой ведь, судя по всему, не больше двадцати пяти!

– И что? Сейчас они в восемнадцать начинают – все влияние СМИ и глянцевого журналов. Раньше, слава богу, в России нельзя... Нашей двадцать семь, между прочим! И мамаша, и дочурка – жертвы пластической хирургии и солярия, и, на мой не совсем, конечно, компетентный взгляд, кандидатки в клиентки психдиспансера.

– Почему?

– Ну, обе они какие-то истеричные, несдержанные. Мамаша вопит, что это в больнице, дескать, инфекцию занесли. Я ей пытался объяснить, что это невозможно, потому что ни одна инфекция так быстро не развивается, но она ничего слушать не желает и грозитя подавать в суд, и в Комитет по здравоохранению уже бумагу накатала. Во всяком случае, она мне так сказала...

– Так все-таки, что говорит мать по поводу перенесенных дочерью болезней?

– Так я же вот и объясняю – она мало что знает! Дело в том, что Валерия тут жила одна, а в родном городе бывала наездами. Мать приехала к ней недавно, в гости. Задержалась, как видно. Она даже не знает, чем промышляет ее дочь!

– И чем же?

– Эскорт-услугами.

– Откуда вам это известно, если мать не в курсе?

– Откуда? Да я, честно говоря, даже не знаю, – пробормотал инфекционист, как будто впервые задумался над этим вопросом. – Лично мне, кажется, сказал Тактаров, а уж он от кого...

– Ясно. Получается, только из-за этого слуха у девицы заподозрили и ВИЧ, и гонорею?

– Не стоит забывать и о симптоматике: как ни крути, а она подходит под эти заболевания... Во всяком случае, раньше подходила. А теперь... Я думал о менингите, но общеинфекционные признаки...

– Отсутствуют? – подсказал Мономах.

– Никакой бледности кожных покровов, синюшности «носогубного треугольника», непрекращающейся жажды... Зато есть иктеричность⁵ склер, что говорит о возможном повреждении печени. Вы правы, нужно проверить печень как следует – возможно, она увеличена... Пациентка страдает одышкой, у нее учащенный пульс и существенно снижено артериальное давление.

– Все это говорит в пользу менингита, – заметил Мономах. – Вполне возможно, вас ввело в заблуждение то, что рассказал вам о девушке Тактаров?

– Выходит, так, – поморщился Олешин, чувствуя себя не в своей тарелке: ему, профессионалу в данной области, недвусмысленно указывали на ошибку. Ошибку, которую, к счастью, еще можно исправить, если Мономах не ошибся с предполагаемым диагнозом.

– А что, если я поговорю с матерью Протасенко? – предложил Мономах.

– Господи, а вам-то это зачем?! – Поднявшееся было раздражение Олешина сменилось крайним изумлением.

– Говорю же – я любопытен. Случай нетипичный, и... Вдруг это все-таки не менингит, нам же необходимо выяснить, что творится с Протасенко!

– Я бы, честно говоря, сплавил ее в Боткинскую, – пробормотал инфекционист. – Но вы же понимаете, что без четкого диагноза ее будут отфутболивать обратно... Да, возможно, вам стоит поболтать со старшей Протасенко: вы – человек нейтральный, не имевший дела с

⁵ Иктеричность – пожелтение (прим. ред.).

Валерией, и ей нет нужды вам угрожать и закатывать истерики. Как только она появится, я вам позвоню.

На том и порешили.

Вернувшись в отделение, Мономах сел за компьютер, намереваясь привести в порядок истории болезни: у него накопилось много бумаг за прошедшую неделю, а руки все не доходили до того, чтобы занести информацию в базу. Не успел он проработать и десяти минут, как в дверь постучали.

В проем просунулась аккуратная, словно только что из салона красоты голова Мейрояна.

– Владимир Всеволодович, вы еще здесь? – задал он риторический вопрос.

– А вы, Севан, что тут делаете, вы же не на дежурстве?

– Нет, я... Понимаете, я вас искал, искал, но не нашел...

– В чем дело?

– В Ларисе Ковальчук.

– Не припомню такую пациентку...

– Да она не пациентка, Владимир Всеволодович, это же наш соцработник!

Черт, профессия накладывает свой неизгладимый отпечаток: каждое услышанное имя Мономах подсознательно переносит на тех, кого лечит или когда-то лечил!

– Да-да, помню, – закивал он. – И что с ней?

– Она в больницу попала.

– Как – в больницу? Авария?

– Да уж, точно – авария! «Авария» – это муж Карпенко, можете себе представить?!

– Что-то я не по...

– Да что тут непонятного, Владимир Всеволодович – избил ее этот бандерлог, в кутузку его закатали!

– Избил... соцработника?

– Да-да, соцработника, Ларису Ковальчук.

– В какой она больнице? – подскочил с места Мономах. – Я позвоню...

– Никуда звонить не надо, она у нас. Вернее, у Тактарова в отделении.

– Вы ее видели? Насколько все серьезно?

– Не видел, времени не было. Мне рассказала дочка Карпенко, она стала свидетелем избиения.

– Я к ней! А вы... идите домой, Севан, нечего тут торчать до ночи... Да, как там Карпенко?

– Да что с ней станется-то? – пожал плечами молодой хирург. – Она тут отдыхает. От детей, от муженька своего, идиота... Если бы не опека, то она бы вообще домой не торопилась!

– Ладно, я пошел. А вы – марш домой, немедленно!

Он нашел Ларису Ковальчук в пятой палате, вместе с тремя другими женщинами – ну, хорошо уже то, что не в реанимации! Она лежала лицом к стенке, но, почувствовав чье-то присутствие рядом со своей койкой, повернулась. Это далось ей нелегко, и женщина несколько раз громко охнула, совершая простые движения, которые в обычной ситуации делаются автоматически.

– Вы? – удивленно проговорила Ковальчук, пока Мономах с содроганием разглядывал ее лицо, покрытое синяками, наливавшимися багрянцем.

Он пытался понять, насколько серьезны ее повреждения, но без пальпации понять это было невозможно.

Словно догадавшись о ходе его мыслей, Лариса сказала:

– Ничего серьезного: сломана пара ребер да красота подпорчена... Слава богу, зубы на месте и нос не перебит!

– Мне так жаль! – пробормотал Мономах. – Я виноват...

– Вы-то тут при чем?

– Я втянул вас в это дело!

– Это, как вы выражаетесь, «дело» – моя работа, и мне никто не обещал, что будет легко...

Не берите в голову, все в порядке.

– Хорош порядок— переломанные кости!

– Все нормально, правда! Лучше послушайте, что мне удалось выяснить. Думаю, опека правильно сделала, что забрала у Карпенко детей: пока мать здесь, а отец в каталажке, им будет лучше в приюте. Я хотела позвонить, чтобы и за оставшимися присмотрели, но девочка очень просила этого не делать. Что ж, она уже почти взрослая, привыкла матери помогать – справится!

– Вас правда так Карпенко отделал?

– Я зашла к детям, принесла кое-что из продуктов и хотела поговорить со старшей девочкой. Мы только-только накрыли на стол, как раздался звонок в дверь. Оля пошла в коридор, а потом мы услышали ее громкий визг и шум борьбы. Выскочили из кухни, а там бедная Оля пытается вытолкать папашу за дверь. Ну, вы же его видели...

– Да уж, амбал еще тот!

– Естественно, у нее ничего не получилось – Карпенко ее одной рукой на месте удерживал!

– И вы вмешались?

– А вы бы не вмешались? – фыркнула Лариса и громко охнула от боли, схватившись рукой за скулу. – Мы с мальчишкой на него навалились, но Карпенко, он как великан-людоед, скрутил нас так, словно мы были тряпичными куклами. Втолкнул подростков в квартиру, а меня, наоборот, выволок на лестничную площадку и спустил с лестницы, предварительно дав несколько зуботычин... Если бы не соседи, он бы меня убил!

– Подонок! – процедил сквозь зубы Мономах. – Как думаете, долго его продержат?

– Я накатала заявление, так что, надеюсь, до суда он безопасен... Во всяком случае, если правосудие существует. Владимир Всеволодович, вас не затруднит сделать то же самое?

– Что, заявление в полицию написать?

– Ну да, это могло бы помешать выпустить Карпенко под подписку. Опишете, как все случилось в палате в тот день?

– Разумеется, я это сделаю! – кивнул Мономах. – Чем еще я могу помочь?

– Вылечите Карпенко побыстрее, – попыталась улыбнуться Лариса. Вышла не улыбка, а довольно-таки зловещая гримаса: только одна сторона ее лица была подвижна, а вторая больше смахивала на африканскую маску и цветом, и выражением. – Чем скорее она вернется к нормальной жизни, тем скорее разрешится ситуация с детьми. По крайней мере, сможет попытаться доказать свою состоятельность. В приюте близнецы в безопасности...

– Погодите, Лариса, почему вы сказали, что Карпенко «сможет попытаться» – есть препятствия?

– Знаете, как говорят: что упало, то пропало: опека, можно сказать, действует по этому принципу. Так что ей придется нелегко!

– Но разве фишка не в том, чтобы отстаивать интересы семьи, чтобы дети жили с родителями?

– Чем дольше я работаю, тем больше убеждаюсь, что дыма без огня не бывает, Владимир Всеволодович. До того, как оказаться здесь, я навела кое-какие справки: семейство Карпенко и впрямь неблагополучное. Мать выгнала муженька недавно, а до этого терпела все – и побои, и жестокость по отношению к детям, и бесконечные попойки мужа с друзьями. Соседи без конца жаловались, но что могла сделать полиция – провести беседу? Ну, проводили, а потом Карпенко вновь воцарялся в квартире и продолжал терроризировать семью и всех, кто живет по соседству.

– Но если он теперь в каталажке, то почему у матери могут возникнуть проблемы с возвращением детей?

– Хоть Борис и выпивоха, но он регулярно приносил в дом зарплату. У мамы доход нестабильный, а теперь она еще и в больнице неизвестно сколько проваляется. Это означает, что денег не будет, а детей нужно кормить три раза в день! До того, как Борис сделал то, что сделал, был шанс, что ей не станут чинить препятствий, но теперь, когда речь идет о насилии в семье, пусть его источником и является бывший муж, опека напряжется. Они всегда напрягаются, когда проблемы становятся достоянием общественности, а до этого – хоть трава не расти!

– А как вышло, что детей Карпенко забрала опека, ведь для этого требуется, чтобы к ним поступил сигнал, верно? Ну, о том, что дети в опасности или что-то в таком роде?

Лариса ненадолго задумалась.

– Знаете, вы правы, – пробормотала она. – Мне как-то не пришло в голову это выяснить... Да я бы и не успела! Но, скорее всего, дело, опять же, в Борисе Карпенко: видать, «сигналы» соседей возымели свое действие, и работники опеки наконец соизволили оторвать задницы от стульев и своими глазами поглядеть, что творится в семье! Мой вам совет, Владимир Всеволодович, не углубляйтесь в это – пожалеете. Я раньше работала с такими, как Карпенко, и наелась по самое не балуйся!

– Вы работали в опеке?

– Не совсем. Я была психологом в соцзащите, а там, знаете ли, приходилось иметь дело с самыми разнообразными случаями. И каждый – своя собственная история бед и несчастий, можете мне поверить! Самое обидное, что я, как психолог, мало что могла сделать, ведь большинство моих клиентов не желали никакой помощи, кроме материальной, и воспринимали меня как неизбежное зло, без которого им грозило наказание...

– А в больнице что, лучше? – задал вопрос Мономах.

– Даже не знаю... Начальство, по-моему, не знает, что со мной делать! Ставку выделили, а чем заниматься соцработнику, не разъяснили. Вот и болтаюсь тут, как...

– Ну, не все так плохо! Вы пытались помочь, и от вас есть польза – по меньшей мере Карпенко не сможет больше врывать в квартиру и лупить жену и детей.

– Не уверена, что все закончится судом и справедливым приговором! Но есть хоть один плюс во всем, что случилось: дети под присмотром, сыты и без угрозы со стороны бешеного папаши.

– А это – уже немало! – согласился Мономах.

Выходя из палаты, он едва не столкнулся с идущим по коридору в сторону поста Тактаровым – странное дело, завтравмой не страдал излишним трудолюбием и редко задерживался после работы.

– Князев! – пробормотал он при виде Мономаха и нахмурился. – Какими судьбами – не по мою ли душу?

– С чего ты взял?

– С того, что меня вызывала Нелидова.

– Ну, ты же сам удивлялся, почему она с тобой не поговорила!

– Нелидова во всем винит меня, – перебил Тактаров. – Она считает, что, если бы я заставил Протасенко принести более «свежие» анализы, они показали бы...

– Что бы они показали? – перебил его Мономах. – Уже абсолютно ясно, что ни ВИЧ, ни СПИДа у твоей бывшей пациентки нет.

– Так вот и я говорю, что я ни при чем!

– Ошибаешься, коллега: за каким чертом ты распускаешь слухи о том, что Протасенко занимается проституцией?

– Я?!

– Не пытайся отрицать – мне все известно.

– Ну, так это и не слухи вовсе: Прогасенко работает в элитном агентстве эскорт-услуг, и с чего я должен это скрывать, спрашивается?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.